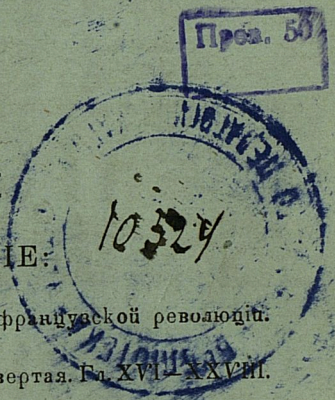
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ

1883

МАЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Очерки французской революціи. **Н. А. Любимова.**

II. ЗЛОЙ ДУХЪ. Романъ. Часть четвертая. Гл. XVI—XXVIII. **В. Г. Авсѣенка.**

III. РЕЛИГІОЗНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. **Е. К. С.**

IV. ВЪ ЧУЖДОЙ СРЕДѢ. Повѣсть. **Д. М. Позняка.**

V. ПОѢЗДКА ВЪ АХАЛЪ-ТЕКЕ. 1880—1881. Гл. I—II. **А. В. Квитки.**

VI. НА СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ. Стихотворенія **М. В. Юзефовича, А. А. Фета, А. Н. Майкова, К. К. Случевскаго.**

VII. ПѢСНЯ О ПОТѢШНЫХЪ. **К. К. Случевскаго.**

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.—Библіографическія замѣтки: Новыя изданія Русскаго Историческаго Общества. *La Révolution. 1789—1882.* Par Charles d'Hericault.

IX. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Торжественный въѣздъ и дни предшествовавшіе Коронованію.—День Коронованія—Празднества.—Обѣдъ волостнымъ старшинамъ и знаменательныя слова Государя Императора.—Освященіе Храма Христа Спасителя.—Отъѣздъ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА. **Радда-Бай.**

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ

№ 5

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
1883

ПОѢЗДКА ВЪ АХАЛЪ-ТЕКЕ

1880—1881.

I.

Судьба забросила меня за границу въ то время когда генералъ Скобелевъ готовился нанести Текинцамъ рѣшительный ударъ у Геокъ-Тепе.

При формированіи экспедиціи я просилъ перевода въ одну изъ частей ея состава, но получилъ отказъ.

Читая въ иностранныхъ газетахъ про лихія дѣла нашихъ молодцовъ, я всею душой рвался туда, а когда узналъ о томъ что̀ составляло еще тайну въ Россіи: о рѣшительномъ движеніи къ Геокъ-Тепе и ожидаемомъ обложеніи, я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Парижа въ Россію.

Вернувшись на родину, я не зналъ еще что̀ предпринять чтобы попасть въ передовой отрядъ, но когда была получена телеграмма объ обложеніи такъ дорого стоившей намъ текинской твердыни, я не медля обсудилъ, а чрезъ три дня привелъ въ исполненіе мелькавшій у меня планъ: ѣхать волонтеромъ въ Ахалъ-Теке и, съ разрѣшенія генерала Скобелева, принять участіе въ дѣлахъ либо какъ начальникъ части, либо какъ простой солдатъ.

Я высказалъ свою мысль нѣсколькимъ товарищамъ. Двое изъ нихъ рѣшились попытать счастіе вмѣстѣ со мною: мой двоюродный братъ Тр., отставной штабъ-ротмистръ, послу-

жившій въ гвардіи, а затѣмъ въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ, и С. бывшій лицеистъ, сдѣлавшій Турецкую кампанію вольноопредѣляющимся въ 3й стрѣлковой бригадѣ и вышедшій затѣмъ въ отставку для поступленія опять на службу по гражданскому вѣдомству. Тр. и С. ребята дюжіе, развитые, товарищи на которыхъ положиться можно смѣло.

Послѣ даннаго намъ въ городѣ Х. товарищами и близкими знакомыми роскошнаго прощальнаго обѣда, мы, 23 декабря 1880 года, веселые, счастливые и съ вѣрой въ успѣхъ нашего предпріятія сѣли въ вагонъ и помчались на югъ.

Не долго держалась въ насъ эта вѣра: на слѣдующій день мы вопреки ожиданіямъ вынуждены были остановиться въ Ростовѣ почти на сутки: оказалось что поѣздъ изъ города Х. въ Ростовъ шелъ по новому расписанію, а изъ Ростова во Владикавказъ по старому, вслѣдствіе чего нашъ поѣздъ пришелъ чрезъ полчаса по отбытіи Владикавказскаго.

Во Владикавказѣ новое разочарованіе: мы думали здѣсь купить лошадей и слѣдовать безостановочно въ Петровскъ и далѣе въ Красноводскъ, полагая что между Петровскомъ и Красноводскомъ постоянныя сообщенія. Не думали мы что Закаспійскій отрядъ сообщается съ Россіей только два раза въ мѣсяцъ. Намъ передали что чрезъ каждыя двѣ недѣли одинъ пароходъ отходитъ изъ Баку въ Красноводскъ и на обратномъ пути огибаетъ весь берегъ Персіи, другой идетъ изъ Баку на Рештъ, Астрабадъ, Чикишляръ и только чрезъ недѣлю приходитъ въ Красноводскъ.

Мы надѣялись во Владикавказѣ получить свѣдѣнія о рейсахъ пароходовъ, о способахъ сообщеній, о томъ нужно ли пріобрѣсти лошадей здѣсь или можно найти таковыхъ въ Петровскѣ или въ Красноводскѣ. Увы, несмотря на любезность атамана, его начальника штаба и всѣми любимаго и уважаемаго полицеймейстера полковника Акимова, мы ничего положительно узнать не могли.

Мы телеграфировали комендантамъ Баку и Петровска, прося сообщить объ отправленіи пароходовъ въ Красноводскъ. Ждемъ день, другой, третій, наконецъ изъ Баку получаемъ отвѣтъ что пароходъ отходитъ 6 января изъ Баку въ Красноводскъ; изъ Петровска же намъ сообщаетъ завѣдующій передвиженіемъ войскъ что съ Красноводскомъ никакихъ сообщеній не имѣется. Рѣшились ѣхать въ Баку чрезъ Темиръ-Ханъ-Шуру. Лошадей совѣтовали намъ купить въ Чечнѣ.

Въ эти три дня, проведенные противъ воли во Владикавказѣ, мы снарядились окончательно; купили сѣдла, бурки, холодное оружіе, куржумы (переметныя сумы)—предметы необходимые для путешествія въ странѣ гдѣ кромѣ верховыхъ лошадей нѣтъ другихъ средствъ для передвиженій, а возможность встрѣчи съ непріятелемъ необходимо имѣть въ виду. Владикавказъ пользуется заслуженною извѣстностью по своимъ шорнымъ издѣліямъ и буркамъ.

Начиная съ Владикавказа мы ознакомливались съ забываемымъ уже въ Россіи гостепріимствомъ: предупредительность, радушіе Кавказцевъ ставятъ даже въ неловкое положеніе человѣка привыкшаго къ сухимъ, эгоистическимъ отношеніямъ, проникшимъ съ цивилизованнаго запада, чрезъ наши столицы въ провинцію. Но легко привыкаешь ко всему хорошему, и въ скоромъ времени мы принимали какъ должное тѣ выраженія сочувствія которыя встрѣчали всюду на Кавказѣ и въ Закаспійскомъ краѣ; исключенія встрѣчались только между рѣдкими, прибывшими недавно изъ Россіи, начальниками.

С. встрѣтилъ Ингушей, бывшихъ одновременно съ нимъ въ Болгаріи, въ отрядѣ князя Дондукова-Корсакова; онъ передалъ имъ что мы намѣрены нанять горца для ухода за нашими лошадьми и вещами. Опорожнивъ нѣсколько бутылокъ кахетинскаго, Ингуши предложили намъ взять своего родственника нукеромъ (оруженосцемъ) для прислуживанія какъ въ частной жизни, такъ и въ бою. Мы согласились. Послали за Ужаховымъ, такъ звали нашего будущаго нукера, онъ не замедлилъ явиться. Ингуши церемонно передали намъ своего родственника со словами: „отдаемъ вамъ Ужахова какъ скотину“; единственнымъ условіемъ было чтобы мы дали ему возможность отличиться въ дѣлахъ съ непріятелемъ и привезли его живаго или мертваго въ родной аулъ когда сами вернемся изъ экспедиціи.

Ужаховъ—высокій, красивый брюнетъ лѣтъ девятнадцати; одѣтъ и вооруженъ щегольски; рыжая кабардинская лошадь очень хороша, сѣдло и уздечка богато отдѣланы кавказскимъ серебромъ.

29 вечеромъ, предъ тѣмъ какъ садиться на перекладную чтобъ ѣхать далѣе, пріѣхали къ С. два Ингуша съ которыми онъ покуначился въ Болгаріи. Они очень сожалѣли что такъ поздно узнали о прибытіи его во Владикавказъ и

согласились отпустить насъ только послѣ многочисленныхъ тостовъ и пожеланій намъ успѣха.

Насъ провожали также полковникъ Акимовъ и мой товарищъ по зимнему балканскому походу полковникъ Кр.

Несмотря на то что непріятно было потерять три дня во Владикавказѣ, пребываніе въ этомъ городкѣ оставило въ насъ самыя отрадныя воспоминанія благодаря радушію нашихъ старыхъ и новыхъ знакомыхъ. Мнѣ доводилось бывать въ этомъ городѣ раньше и тогда онъ произвелъ на меня такое же пріятное впечатлѣніе.

Въ восемь часовъ вечера мы выѣхали и быстро помчались по прекрасной шоссейной дорогѣ, увы, превращающейся на двѣнадцатой верстѣ въ грязный проселокъ.

Ужахова съ его лошадью мы бросили въ Назрани, гдѣ у него жилъ отецъ, и наказали ему нагнать насъ на слѣдующій день въ Хасавъ-Юртѣ.

Тяжело прошла для насъ ночь на перекладной, послѣ столь любезныхъ проводовъ: такъ и клонитъ ко сну, а заснуть нельзя, такъ какъ сидя на высоко нагроможденной кладжѣ того и гляди свалишься подъ колеса.

Въ одиннадцать часовъ мы пріѣхали въ Грозное, расправились немного, пообѣдали и покатили дальше.

Грозное — полугородъ, полудеревня; здѣсь пріютилось не мало Евреевъ. Костелъ, не дурной архитектуры, обращаетъ на себя вниманіе проѣзжихъ; синагога, грандіозныхъ размѣровъ для такого малозначущаго города, строится на одной изъ главныхъ улицъ; бульваръ, остатки крѣпостной стѣны, десятка два уличныхъ фонарей тускло горящихъ и мало освѣщающихъ, вотъ всѣ достопримѣчательности этого города, видѣвшаго въ недавнемъ прошломъ не одно кровопролитное дѣло.

Отъ Грознаго начинается Чечня. Между станціями въ караулкахъ живутъ казаки охраняющіе проѣзжихъ отъ нападенія Чеченцевъ. Часть лошадей засѣдлана; съ вышки дежурный, съ вынутой изъ чахла винтовкой, зорко вглядывается въ стороны откуда можно ожидать нападенія Чеченцевъ, которые впрочемъ не одни занимаются разбоями; Ингуши имъ тоже не уступаютъ въ этомъ отношеніи: за день до нашего пріѣзда во Владикавказъ, на одной изъ главныхъ улицъ былъ заколотъ кинжаломъ купецъ, еще до наступленія темноты. Конныя шайки бродятъ по улицамъ, грабятъ и

безчинствуютъ, но и расправа съ ними коротка: въ прошломъ году на полковника Майделя возвращавшагося съ женой изъ Петровска во Владикавказъ, напали около Назрани четыре Ингуша, одинъ изъ нихъ нанесъ Майделю ударъ кинжаломъ, къ счастію не смертельный; тяжело раненый Майдель успѣлъ выхватить револьверъ, убилъ одного злоумышленника и ранилъ другаго, остальные бѣжали. Чрезъ нѣсколько дней было поймано пять человѣкъ заподозрѣнныхъ въ покушеніи на жизнь Майделя, и послѣ короткаго суда всѣ пятеро повѣшены. Въ Грозномъ въ томъ же году повѣшены знаменитый разбойникъ Али-бекъ и двѣнадцать Чеченцевъ составлявшихъ его шайку.

Въ Чечнѣ мѣстность становится болѣе пересѣченною—предчувствуются настоящія горы. Часто на пути встрѣчаются горныя рѣчки, мы ихъ переѣзжаемъ въ бродъ, проламывая тонкій слой льда, въ карьеръ взбираемся на крутые берега и опять мчимся по волнистой дорогѣ, огибая отроги болѣе высокихъ горъ. Почтовыя лошади вездѣ на Кавказѣ прекрасныя и везутъ по-курьерски.

Въ 10 часовъ вечера мы въѣхали въ Хасавъ-Юртъ, ямщикъ показалъ намъ клубъ и прибывшій недавно циркъ, но пристанища для проѣзжихъ намъ указать не могъ. Долго мы разъѣзжали по улицамъ, спрашивая у каждаго освѣщеннаго окна не могутъ ли насъ помѣстить на ночлегъ. Наконецъ мы нашли одну комнатку, въ маленькой, конечно, грязной избѣ именуемой постоялымъ дворомъ.

Не разъ поминали мы добрымъ словомъ хозяина Европейской гостиницы въ городѣ Х., Mr Andrieux, уплетая за обѣ щеки чудный паштетъ, поднесенный имъ текинскимъ добровольцамъ, какъ насъ прозвалъ какой-то шутникъ. Послѣ ужина мы растянулись на импровизованныхъ постеляхъ и моментально уснули. Рекомендую прекрасное средство отъ безсонницы—провести ночь на перекладной въ дорогѣ.

31 декабря я вспомнилъ что въ этотъ день празднуется стопятидесятилѣтній юбилей моего полка и послалъ поздравительную телеграмму.

Нашимъ близкимъ роднымъ и знакомымъ мы отправили пожеланія на Новый Годъ; такимъ образомъ телеграмма изъ Хасавъ-Юрта долетѣла и до Парижа.

Начальникъ округа подполковникъ Ш. явился ко мнѣ, вслѣдствіе полученной имъ телеграммы отъ наказнаго

атамана Терской области объ оказаніи намъ содѣйствія. Мы просили его помочь намъ въ пріисканіи лошадей. Подполковникъ Ш. прислалъ въ наше распоряженіе своего джигита-милиціонера, который въ тотъ же день представилъ двухъ лошадей, а на завтра обѣщалъ привести цѣлый табунъ. Приведенныя лошади оказались негодными для похода и дорогими.

Такъ какъ намъ было извѣстно что единственное сообщеніе между западнымъ и восточнымъ берегами Каспійскаго моря возобновится только 6 января изъ Баку въ Красноводскъ, то мы рѣшили купить лошадей въ Хасавъ-Юртѣ, дождаться Ужахова и идти до Баку походомъ на своихъ лошадяхъ; но телеграмма, полученная въ 8 часовъ вечера, отъ завѣдующаго передвиженіемъ войскъ въ Петровскѣ, измѣнила весь этотъ планъ: П. Э. насъ извѣстилъ что 2 января выходитъ изъ Петровска шхуна *Графъ Милютинъ* и прибудетъ 5го въ Баку, т.-е. наканунѣ отхода парохода въ Красноводскъ. Мы сейчасъ же рѣшили воспользоваться этимъ болѣе удобнымъ и вѣрнымъ средствомъ сообщенія, а такъ какъ на такомъ маломъ суднѣ едва ли можно было разчитывать на мѣсто для четырехъ лошадей, то отложили покупку лошадей до прибытія въ Баку. Впрочемъ, доставка лошадей изъ Хасавъ-Юрта въ Петровскъ—въ однѣ сутки была бы весьма затруднительна; не знали мы какъ поступить и съ лошадью Ужахова, котораго ожидали въ ночь. Рѣшено было одному оставаться здѣсь до прибытія Ужахова, а другимъ ѣхать немедленно въ Петровскъ чтобъ уговориться относительно посадки на шхуну, которая будучи зафрахтована казной могла и не принять частныхъ пассажировъ.

Мигомъ вещи были уложены, послали за перекладной и, послѣ встрѣчи Новаго Года за стаканомъ кахетинскаго, С. и Т. поѣхали впередъ, а я остался ожидать Ужахова.

1 января меня разбудили прибывшіе съ поздравленіями урядники-казаки и милиціонеры; я пожалъ протянутыя мнѣ руки, хотя немного удивился фамильярности которой дисциплина въ регулярныхъ войскахъ не допускаетъ. Хозяинъ дома отставной нижегородскій драгунъ зашелъ тоже со мной поболтать. Онъ разказывалъ что во время Турецкой войны, Кумыки, въ особенности землевладѣльцы, радовались успѣхамъ Турокъ и ежеминутно готовы были взяться за оружіе, для чего ожидали только полнаго нашего пораженія. Въ томъ же что

верхъ одержатъ Турки они ни мало не сомнѣвались. „Азіятская Турція—говорили они—въ шесть разъ больше Россіи, а Европейская Турція еще больше, такъ гдѣ же Русскимъ преодолѣть нашихъ единовѣрцевъ“. Чечня явно бунтовала.

Въ 10 часовъ пріѣхалъ Ужаховъ на страшно утомленномъ длиннымъ переходомъ конѣ, пуститься на немъ далѣе въ дорогу я считалъ невозможнымъ и потому предложилъ Ужахову обмѣнять его на свѣжаго.

Привели къ намъ около десятка лошадей, изъ коихъ три было годныхъ, но цѣну назначали такую что и не подступайся: просили 60 руб. придачи къ лошади Ужахова (хотя утомленной, но прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ) для промѣна ея на посредственнаго маштачка. Предсказаніе начальника округа что при первомъ заявленіи о нуждѣ въ лошадяхъ цѣны поднимутся вдвое—сбылись. Нечего было дѣлать, пришлось брать Ужаховскаго коня съ собой; сложивъ сѣдло на перекладную, мы привязали коня къ пристяжной и выѣхали со двора.

Поѣхали мы трускомъ чтобы не очень утомлять лошадь Ужахова, бѣжавшую рядомъ съ тройкой, но двухчасовой отдыхъ ее совсѣмъ освѣжилъ; она идетъ такъ бодро что трудно себѣ представить чтобъ она совершила въ эти сутки сто верстъ перехода. Переправившись черезъ большой мостъ на рѣкѣ Сулакѣ мы подъѣхали къ Чиръ-Юрту, бывшему стоянкой Нижегородскаго драгунскаго полка, когда имъ командовалъ князь Дондуковъ-Корсаковъ.

За рѣкой начинается Дагестанъ. Встрѣчаемые здѣсь горцы совсѣмъ другаго типа нежели въ Чечнѣ: они выше и плотнѣе, носятъ большія папахи, за поясомъ виситъ громадный кинжалъ—спеціальность Дагестана. Лучшими клинками считаются старинные кинжалы Базалая; потомки его и теперь выдѣлываютъ прекрасные клинки. Отличаются они простотой отдѣлки, но вороненый клинокъ съ тамгой Базалая не уступитъ знаменитымъ клинкамъ Толедо. Въ Чечнѣ всѣ встрѣчаемые нами Горцы были верхомъ, здѣсь же мы видимъ только пѣшихъ, часто сопровождающихъ арбы запряженныя волами.

Въ Чиръ-Юртѣ я нанялъ извощичью коляску чтобъ ѣхать прямо, долиной, въ Петровскъ, до котораго этимъ путемъ всего 62 версты; почтовый же трактъ проходитъ чрезъ горы на Темиръ-Ханъ-Шуру, что̀ составляетъ 90 верстъ. На

половинѣ дороги мы услышали бушующее море—казалось отдаленные раскаты грома.

Въ полночь мы остановились въ аулѣ, гдѣ расположился на ночлегъ обозъ съ рельсами для Закаспійской желѣзной дороги. Зашли въ духанъ * выпить чайку пока выкармливали лошадей. Армянинъ духанщикъ разказывалъ что во время послѣдней войны Дагестанцы населяющіе аулъ пытались нѣсколько разъ ограбить духанъ иногда приходилось ему выдерживать правильную осаду. Духанщикъ не спалъ ни одной ночи, карауля съ ружьемъ въ рукахъ у заставленной арбами и разнымъ хламомъ двери.

Въ три часа ночи мы увидѣли море и чрезъ нѣсколько минутъ прибыли въ Петровскъ. Послѣ долгихъ поисковъ нашли гостиницу въ которой остановились мои спутники. Пока я потягивался на буркѣ, разостланной на полу, они мнѣ передали свои похожденія. Шхуна выходила изъ Петровска только на другой день вечеромъ, а потому торопиться было нечего, можно было еще выспаться.

Капитанъ шхуны *Графъ Милютинъ* согласился взять насъ и лошадь, но такъ какъ въ каютѣ всѣ мѣста были заняты, то намъ оставалось только размѣститься на палубѣ подъ открытымъ небомъ. Плотники пароходной компаніи устроили для лошади, на бакѣ, что-то въ родѣ клѣтки, и вечеромъ мы ея установили. Выходъ шхуны въ море отложенъ былъ до слѣдующаго утра по случаю дувшаго цѣлый день шторма, барометръ упалъ очень низко. Между пассажирами *Милютина* С. нашелъ товарища, служившаго съ нимъ въ Болгаріи майора Б. Хотя онъ прибылъ въ Петровскъ послѣ насъ, но успѣлъ добыть мѣсто въ каютѣ, благодаря ловкости интендантскаго чиновника сопутствовавшаго ему изъ Владикавказа.

Отдохнувъ въ гостиницѣ, мы въ три часа ночи перебрались на шхуну. Вѣтеръ утихавшій ночью перешелъ на утро опять въ штормъ, и выходъ въ море былъ снова отложенъ на неопредѣленное время. Капитанъ говорилъ что при свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ невозможно выйти изъ гавани, такъ какъ волной прибиваетъ къ стѣнкѣ рейда, у которой проходъ въ открытое море очень узокъ. Мы вернулись въ гостиницу, пообѣдали и хотѣли было вздремнуть послѣ проведенной безъ сна ночи, но вдругъ насъ встревожилъ раздавшійся съ моря

* Трактиръ или постоялый дворъ.

свистокъ. Тотчасъ же вошелъ лакей съ объясненіемъ что свистокъ поданъ съ парохода для предупрежденія пассажировъ о скоромъ отходѣ. Мы послали Ужахова справиться въ чемъ дѣло; онъ вернулся съ извѣстіемъ что шхуна отходитъ чрезъ полчаса. Живо мы собрались и прикатили на пристань. Въ четыре часа отвалили, благополучно обогнули стѣнку и взяли курсъ на Ю.-В. Вѣтеръ немного стихъ, но зыбь не улеглась— шхуну сильно бросало. Почти всѣхъ укачивало. Тѣсно, грязно, холодно, скверно на палубѣ. Я расположился у штуръ-вала, болѣе нигдѣ свободнаго мѣста не было. Разложилъ я бурку, завернулся въ шубу и пробывалъ заснуть.

Къ холоду я уже почти привыкъ, но ощущеніе влаги слускающейся за воротникомъ по спинѣ заставило меня вскочить на ноги. Дѣло объяснилось тѣмъ что надо мною вытягивали лагъ-линь * изъ воды; съ троса скатывалась вода на палубу и на меня. Перемѣнить мѣсто было невозможно, такъ какъ каждый вершокъ былъ занятъ, и я поневолѣ опять улегся подъ холодною струей, которая чрезъ каждый часъ обдавала меня. Эту пытку называли въ Средніе Вѣка „la question de l'eau". Къ счастію у меня хоть обувь была теплая. Кавказскіе зимніе чевяки, которые мы пріобрѣли во Владикавказѣ, отслужили намъ за весь походъ хорошую службу. Днемъ вѣтеръ перешелъ на Nord, поставлены были паруса. Боковая качка, короткая, невыносимая, дѣлается слабѣе подъ парусами; притомъ, на ходу съ попутнымъ вѣтромъ, волны насъ провожали, а не качали какъ ночью, разбиваясь о бортъ судна. Мы повеселѣли. Доложили что обѣдъ готовъ, но, боги, что̀ это былъ за обѣдъ! ни въ одномъ воспитательномъ заведеніи не кормятъ такъ отвратительно какъ на шхунѣ *графъ Милютинъ*; говорятъ что на другихъ зимнихъ судахъ Общества *Кавказъ и Меркурій* ѣдятъ еще хуже— возможно ли это? Каюта была набита биткомъ, и мы съ трудомъ протискались къ обѣденному столу, за которымъ предсѣдалъ капитанъ.

Послѣ обѣда я досталъ альбомъ и сталъ рисовать, С. записывалъ что-то. Въ каютѣ расположились еще кромѣ майора Б. и преданнаго ему, политичнаго интендантскаго чиновника, одинъ старый и трое молодыхъ Персіянъ возвращав-

* Лагъ, приборъ бросаемый въ воду на веревкѣ для измѣренія скорости хода судна.

шихся на родину. Старикъ красивой, симпатичной наружности, пользовался подобострастнымъ уваженіемъ своихъ единоплеменниковъ. Мы узнали что онъ представитель Персіянъ-торговцевъ въ Астрахани, очень богатъ и ведетъ крупныя дѣла со всею Россіей. Полюбился всѣмъ этотъ ласковый, чистоплотный, благообразный старикъ. Много разказалъ онъ намъ интереснаго про Персію, которую изъѣздилъ вдоль и поперекъ, и приглашалъ къ себѣ въ Хорассанъ, обѣщая доставить всѣ удобства для совершенія этого путешествія труднаго и не безопаснаго, вслѣдствіе многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ. Свита нашего новаго пріятеля состояла изъ молодыхъ Персіянъ получившихъ европейское образованіе. Они мнѣ напоминали образованныхъ, то-есть побывавшихъ въ Парижѣ Турокъ, Грековъ или Румынъ. Перенимаютъ они обыкновенно только жаргонъ, моды, хлыщеватую развязность и утонченный развратъ. Поверхностное образованіе, модный костюмъ, фатовство и надменный видъ, не способны скрыть дурныхъ инстинктовъ Востока: ненависть ко всему чужеземному, жадность на подачки и взяточничество между служащими. Они утрачиваютъ и тѣ качества коими справедливо славятся всѣ не цивилизованные народы: гостепріимство, честность, правдивость и трезвость.

Палубные пассажиры раскинулись въ живописныхъ группахъ отъ юта до бака. Здѣсь была воинская команда назначенная для укомплектованія частей въ Закаспійскомъ краѣ и состоявшая изъ молоденькихъ, безусыхъ, видно недавно взятыхъ отъ сохи мужичковъ, плохо укрытыхъ въ тоненькихъ шинелькахъ. Жались они другъ къ другу отъ холода, доѣдая послѣднія крохи черствaго сухаря. Вездѣ слышны самыя разнообразныя и иногда фантастическія разсужденія о томъ что̀ ихъ тамъ ожидаетъ. Замѣчательно что солдаты избѣгаютъ называть непріятеля, смертоносные снаряды имъ посылаемые, вообще все что̀ новичку можетъ казаться страшнымъ; такъ непріятель это—*онъ*, граната—*она*; слышатся выраженія слѣдующаго рода: „экъ *его* высыпало; ишь гдѣ *она* полнула“. И тутъ каждый понималъ что *тамъ* значитъ тотъ край гдѣ можетъ-быть придется сложить свои кости, сражаясь за Царя и Отечество, вдали отъ родины. Отъ времени до времени солдатикъ подходилъ къ машинѣ и подолгу стоялъ надъ нею, отогрѣвая окоченѣвшіе члены. Раза два показывалась на палубѣ казачья папаха и снова скрывалась въ каютѣ помощника капитана; это начальникъ команды.

Армяне и Персіяне, наполнявшіе остальное пространство грязной, скользкой палубы, завернутые въ яркія, лохматыя, ваточныя одѣяла, жевали полулежа сушеную рыбу, лаваши и кишъ-мишъ. Подъ вечеръ только зашевелились пассажиры магометане, когда насталъ часъ молитвы. Поочередно они растилали молитвенный ковричекъ, становились на него, простирая руки вверхъ и въ стороны; закрывая то лицо, то уши, они клали частые поклоны.

Ночь была очень холодная, я старался не ложиться какъ можно долѣе, но наконецъ усталость взяла свое, я расположился опять у штуръ-вала и заснулъ несмотря на бѣготню и обливаніе ледяною водой, при бросаніи и вытаскиваніи лага и лота, что дѣлалось въ эту ночь еще чаще чѣмъ въ прошлую, въ виду приближенія къ Апшеронскому проливу.

Ночью мы должны были пройти проливъ, а часамъ къ одиннадцати утра прибыть въ Баку, но нашъ капитанъ рѣшилъ иначе: увидѣвъ въ полночь, сквозь туманъ, Апшеронскій маякъ, онъ нашелъ опаснымъ входить въ проливъ до свѣту; съ этимъ еще соглашаться можно, но чего никто изъ насъ понять не могъ, это то что онъ приказалъ рулевому взять обратный курсъ на Петровскъ, а самъ пошелъ спать, приказавъ себя разбудить только въ восемь часовъ утра. Когда онъ снова изволилъ выйти на палубу, шхуна отъ мѣста гдѣ мы были наканунѣ успѣла отойти за десять миль назадъ, то-есть потеряно было полдня въ совершенно лишнемъ маневрѣ. Слѣдовало бросить якорь тамъ гдѣ мы увидѣли маякъ, а когда стало свѣтать—войти въ проливъ.

Часовъ въ 11, когда мы обогнули Апшеронскій мысъ, сразу заштилѣло; аппетитъ появился у всѣхъ громадный, завтракъ былъ уничтоженъ до послѣдней крохи. Море защищаемое берегомъ отъ сѣвернаго вѣтра было гладко какъ зеркало; мы дѣлали до семи узловъ, что для шхуны *Милютинъ* составляетъ большой ходъ: она обыкновенно идетъ три или четыре узла * въ часъ.

Баку показался длинною полосой бѣлыхъ построекъ выплывающихъ изъ моря на голубомъ фонѣ дальняго берега. Темнѣло уже когда мы вошли на рейдъ. Для того чтобы скорѣе съѣхать на берегъ, капитанъ велѣлъ отдать якорь, отложивъ на завтра подтягиваніе судна къ пристани. Только

* Узелъ—одна верста и три четверти.

что загремѣла цѣпь, налетѣлъ шквалъ, перешедшій потомъ въ штормъ. Такъ какъ ни одна лодка не рѣшилась выйти за нами, то мы просили капитана спустить насъ на берегъ на своихъ гребныхъ судахъ, но онъ отказался, говоря что это не его обязанность и что мы должны дожидаться пока прибудутъ частныя лодки. Ему подали шлюпку; мы опять обратились къ нему съ просьбой разрѣшить намъ воспользоваться шлюпкой когда она придетъ обратно, обѣщая дать хорошее вознагражденіе гребцамъ. На это онъ согласился.

Насъ сильно качало на якоряхъ. Долго мы ждали капитанской шлюпки, вглядываясь въ непроницаемую тьму; наконецъ она появилась на гребнѣ чернаго вала, исчезла какъ бы поглощенная разсвирѣпѣвшею стихіей, опять показалась, снова нырнула и очутилась внезапно у борта шхуны. Мы хотѣли въ нее спуститься, но боцманъ передалъ что капитанъ, сойдя на берегъ, приказалъ на этой шлюпкѣ перевезти купленную имъ въ Петровскѣ для продажи въ Баку разную живность, пассажировъ же брать запретилъ. Мы предлагали боцману и командѣ значительную плату чтобы добраться до берега, но они не рѣшались ослушаться приказаній капитана, хотя ихъ очень соблазняла легкая нажива.

Страшно всѣ были озлоблены на капитана оставившаго насъ на качающемся суднѣ въ двухстахъ саженяхъ отъ пристани. Въ Обществѣ *Кавказъ и Меркурій* капитанъ—хозяинъ судна отъ мѣста до мѣста въ пути; придя же на рейдъ онъ тотчасъ съѣзжаетъ на берегъ, а въ управленіе судномъ вступаетъ агентъ Общества.

Чтобы сколько-нибудь утѣшить себя, мы придумывали достойное наказаніе нашему капитану за выкинутую съ нами штуку; но вотъ раздался плескъ веселъ, и между темными волнами показалась рыбацкая лодка вышедшая за пассажирами. Пробовала она подойти къ трапу съ навѣтряной стороны, но это оказалось невозможнымъ, такъ сильно разбивались волны о бортъ судна; съ подвѣтряной же стороны трапа не было и спускъ въ лодку представлялъ не мало трудностей и опасности.

Пока мы собирали свои ложитки, лодку переполнили пассажиры-Персіяне, и она отвалила, обѣщая однакоже вернуться сейчасъ же за нами. Много времени прошло, казалось намъ; наконецъ опять подошли рыбаки, и мы поочередно начали

слускаться въ лодку, которую такъ подбрасывало что она была то на высотѣ борта, то уходила въ темную глубь; прыгая въ нее, я сбилъ съ ногъ одного изъ гребцовъ и чуть самъ не очутился въ водѣ. Кое-какъ мы всѣ усѣлись и отвалили, оставивъ Ужахова при лошади на пароходѣ.

Легко вздохнули мы вступая на берегъ послѣ плаванія на самомъ скверномъ суденышкѣ русскаго коммерческаго флота. Несмотря на то что на шхунѣ *Графъ Милютинъ* мы пробыли все время на палубѣ, за неимѣніемъ мѣста въ каютѣ, съ насъ взяли какъ за второй классъ; перваго класса на шхунахъ вовсе не имѣется.

Оставивъ вещи въ гостиницѣ Германія, мы поѣхали въ азіятскую баню. Въ маленькихъ конурахъ, непривлекательныхъ на видъ, насъ мылъ и массировалъ рыжій Персіянинъ лѣтъ сорока съ выкрашенными въ красный цвѣтъ ногтями на рукахъ и ногахъ. Всѣ Персіяне въ простонародіи, мущины и женщины, красятъ себѣ ногти, а иногда и татуируются. Извощичьихъ лошадей, преимущественно сѣрыхъ, тоже окрашиваютъ въ красную краску на ногахъ и подъ оголовкомъ.

Послѣ ужина, мы испытали великую роскошь въ походѣ: спать раздѣтыми въ постеляхъ съ чистымъ бѣльемъ.

На другой день мы купили трехъ лошадей персидской породы за двѣсти рублей; лошади рабочія, годныя и подъ верхъ и въ упряжь, онѣ выносливы, но не красивы, и за исключеніемъ одной, доставшейся по жребію Тр., аллюры имѣютъ короткіе. Майору Б. помогалъ при покупкѣ лошадей начальникъ Бакинской таможни, полковникъ Боголюбовъ; онъ былъ начальникомъ штаба у генерала Скобелева, но тяжелая рана, полученная въ Турецкую войну, вынудила его оставить свой завидный постъ. Въ числѣ лошадей приводимыхъ майору Б. были очень красивыя. Онъ пріобрѣлъ прекраснаго, рослаго карабаха за девяносто рублей. Приводили еще воронаго жеребца персидской породы, очень красиваго, вершковъ двухъ; за него просили двѣсти рублей. Я охотно бы далъ и больше, но такъ какъ касса у насъ общая, то неудобно было брать изъ нея для своихъ личныхъ нуждъ сумму превышающую предвидѣнный расходъ: по винѣ одного, мы всѣ трое могли бы остаться безъ денегъ тамъ гдѣ банковъ нѣтъ, куда переводы не проникаютъ.

Благодаря продолжавшемуся шторма, шхуна *Графъ Милютинъ* не могла ошвартоваться у мола и въ этотъ день, а

лотому нельзя было высадить на берегъ лошадь Ужахова; но лодъ вечеръ, несмотря на сильное волненіе, С. съѣздилъ на пароходъ и привезъ Ужахова, которому нужно было дать немного отдыха. Онъ намъ разказалъ что наканунѣ вечеромъ, какъ только мы высадились на берегъ, на пароходѣ воцарилась полная анархія: воинская команда, которая во время сильной качки забыла о кормовыхъ деньгахъ и варкѣ пищи, почувствовала вдругъ голодъ; солдаты ничего не ѣли съ третьяго по пятое января. Приближеніе къ берегу наводило ихъ на мечты о вкусныхъ жирныхъ щахъ, о разсыпчатой кашѣ, о сытномъ ржаномъ хлѣбѣ: вотъ сталъ пароходъ на якорь, рукой подать до этого давно желаннаго берега, вѣтеръ доноситъ апетитный запахъ кухонь, но никто не думаетъ спустить команду съ парохода. Капитанъ укатилъ, ему и горя мало; я же полагалъ что позаботится о командѣ ея начальникъ, эсаулъ казачьей артиллеріи, но бѣда въ томъ что лучшимъ средствомъ отъ морской болѣзни онъ признавалъ водку и до сихъ поръ не могъ придти въ себя отъ настойчиваго, упорнаго лѣченія.

Бѣдные солдатики, мучимые голодомъ, видя что на берегъ ихъ не спускаютъ, а о прокормленіи никто не заботится, обратились къ буфетчику съ требованіемъ пищи; тотъ имъ съ усмѣшкой отказалъ. Тогда послѣдовалъ полный разносъ всего буфета.

Въ потемкахъ шарили солдаты по палубѣ, ища чего-нибудь поѣсть. Выламывали ящики съ виномъ, съ консервами. Нѣсколько бутылокъ шампанскаго было выпито вмѣсто квасу; сардинки, послѣ долгихъ стараній, были добыты изъ запаенныхъ жестяныхъ коробокъ. Все что̀ попадалось съѣдобное было моментально уничтожаемо.

Не на шутку перепугались пассажиры—Персіяне, Армяне и Русскіе. Чтобы задобрить солдатъ, они сложились и роздали имъ денегъ, сахару и хлѣба. Ужаховъ, съ самаго начала безпорядка, предложилъ одному изъ самыхъ бойкихъ солдатиковъ кусокъ лаваша * и тѣмъ заручился ихъ расположеніемъ. Намъ передавали что эсаулъ пробовалъ возстановить порядокъ, но выслушавъ нѣсколько крѣпкихъ словъ, принужденъ былъ снова удалиться въ каюту.

Вѣтеръ стихъ, прояснѣло; солнце грѣло такъ что было жарко ходить въ лѣтнемъ пальто.

---

* Родъ лепешекъ.

Спускъ лошадей въ трюмъ парохода *Тамара* занимаетъ много времени. Помочи, прикрѣпленныя къ талямъ подъемной машины, пропускаются подъ брюхо лошади; по сигналу, конь взвивается на воздухъ и плавно опускается въ люкъ трюма. Строгимъ связываютъ заднюю ногу съ переднею того же бока, и удивленная неожиданностью и новизной своего положенія, лошадь, безсильно барахтаясь, поднимается надъ палубой, а затѣмъ, когда ее опустятъ въ трюмъ, развяжутъ и поставятъ рядомъ съ другими, то видя свое безсиліе самая строгая лошадь смиряется и стоитъ какъ вкопаная, дрожа всѣмъ тѣломъ у борта къ которому привязана.

Въ 5 часовъ пополудни шхуна отвалила. Погода прелестная, качки никакой. На этотъ разъ у насъ для троихъ двухспальная каюта въ которой мы довольно удобно размѣстились. Вечеръ теплый, весенній, настраиваетъ къ хорошимъ, мирнымъ мечтамъ. Долго сидѣлъ я на палубѣ и глядѣлъ на бурную, пѣнящуюся струю, уносящую назадъ миріады брилліантовыхъ и жемчужныхъ искръ, высыпаемыхъ изъ-подъ кормы шхуны. Вся жизнь моя, тревожная, безпокойная, полная часто несбыточныхъ стремленій проносилась предо мною какъ бы въ яркихъ, быстро мѣняющихся краскахъ калейдоскопа. Къ чему все это?—чего я хотѣлъ, чего достигъ? Прошлое, какъ сонъ, блѣднѣетъ и меркнетъ въ воспоминаніи. Настоящее не удовлетворяетъ, да и оно—не то ли же прошлое? Каждая наступившая секунда уже далеко позади какъ и яркія блестки появляющіяся и тускнѣющія въ водяномъ слѣдѣ оставляемомъ пароходомъ. Будущее... я вдругъ вспомнилъ что будущее это походъ, кровопролитныя дѣла, штурмъ, слава, а можетъ-быть близкая смерть. Эти картины такъ дисгармонировали съ окружающею тишиной и спокойствіемъ что чары ночи разсѣялись, и я счелъ лучшимъ идти спать.

Высоко стояло солнце надъ горизонтомъ когда мы проснулись. Мы все продолжаемъ идти далѣе по морю гладкому какъ озеро. Погода дивная. Живется легко, весело. Къ части пассажировъ пересѣвшихъ съ *Милютина* присоединились нѣсколько Армянъ и Персіянъ изъ Баку. Армяне очень важничаютъ предъ нами; они, какъ и Нѣмцы, относятся ко всему русскому съ презрѣніемъ, съ чувствомъ какого-то въ высшей степени комическаго превосходства. Привыкли Армяне на Кавказѣ къ пристрастной поддержкѣ своихъ единоплеменниковъ достигшихъ власти. Правъ ли Армянинъ или

нѣтъ—дѣло всегда рѣшается въ его пользу, когда это зависитъ отъ соплеменнаго ему начальника.

Въ пять часовъ пополудни показались берега Туркменіи. Проходимъ мимо пустыннаго острова Челоканъ, гдѣ частная компанія инженеровъ добываетъ нефть для топки локомотивовъ Закаспійской желѣзной дороги и опрѣснителей Михайловской бухты. Утесистый, обрывистый берегъ вырѣзывается изъ общей синевы дальняго горизонта. Мы входимъ въ бухту окаймленную бахромой скалъ раскинутыхъ амфитеатромъ. Ночной покровъ все болѣе и болѣе стушевываетъ очертанія дали; надъ моремъ легла непроницаемая тьма. Суда, между которыми мы скользимъ тихимъ ходомъ, внезапно появляются и тотчасъ же теряются во мракѣ.

Въ 8 часовъ мы ошвартовались у мола.

Огоньки отражающіеся въ подернутой мелкой рябью водѣ обличаютъ городъ пріютившійся у подножья обрывистаго гребня, чернѣющаго на звѣздномъ небосклонѣ. Мы горимъ нетерпѣніемъ скорѣе вступить на берегъ, къ которому мечты возбуждаемыя встрѣчаемыми препятствіями неотвязно насъ влекли. Пароходъ остановился; мы пробираемся между сложенными въ большія кучи тюками, по узкой эстакадѣ безъ перилъ, направленіе ея мы ощупывали ногами по рельсовому пути, служащему для своза на берегъ доставленнаго на судахъ груза. Вдругъ у насъ подъ ногами раздался отчаянный крикъ, нашъ проводникъ освѣтилъ фонаремъ черную бездну зіявшую въ двухъ шагахъ отъ мѣста гдѣ мы остановились. Изъ темной воды выплыла голова, взывая вновь о помощи. Брошенъ былъ конецъ, и чрезъ нѣсколько секундъ выкарабкался на эстакаду оступившійся работникъ съ баржи. Да и не мудрено попасть въ море: такая темнота что не видно рядомъ идущаго человѣка, не знаешь твердая ли почва подъ ногами или грозитъ паденіе въ море съ высоты двухъ саженъ.

Подошли мы къ большому зданію съ освѣщенными двумя, тремя окнами. Отъ проходившей мимо насъ тѣни узнали что это казарма; тѣнь оказалась солдатикомъ и очень услужливымъ, онъ взялся насъ проводить въ гостиницу.

Въ двухъ довольно большихъ комнатахъ гостиницы Кавказъ засѣдала компанія пирующихъ интендантскихъ чиновниковъ. Рѣчь у нихъ шла о большей или меньшей вѣроятности успѣха нашихъ войскъ подъ Геокъ-Тепе. Чиновники считали дѣло потеряннымъ и не чувствовали себя въ

опасности даже въ Красноводскѣ. Извѣстіе о прибытіи нашего парохода до нихъ уже дошло, они угадали въ насъ прибывшихъ съ того берега, а потому начали хвастать предъ нами своимъ знакомствомъ съ военными дѣйствіями и участіемъ въ нихъ. Ужасныя по строенію и выговору французскія фразы раздавались въ одномъ углу... Избѣгая общества воинственныхъ интендантовъ, мы перешли ужинать въ нумеръ—это третья и послѣдняя комната единственной въ Красноводскѣ гостиницы. Въ этомъ нумерѣ имѣется кровать, но безъ матраца, да оно и лучше—меньше убѣжищъ для клоповъ.

Ночевать мы перешли на пароходъ, гдѣ оставались наши вещи. На обратномъ пути, проходя мимо ярко освѣщеннаго Военнаго собранія, мы встѣтили капитана *Тамарьг*, который сообщилъ что сегодня въ клубѣ вечеръ и предложилъ зайти вылить стаканъ вина, но мы были такъ фантастически одѣты что не рѣшились показаться на глаза красноводскаго бомонда.

II.

На утро мы перебрались въ гостиницу Кавказъ. Единственная кровать досталась по жребію Тр.; С. и я расположились на полу.

Завѣдующій передвиженіемъ войскъ, флигель-адъютантъ Макаровъ, къ которому мы обратились за содѣйствіемъ для отправленія насъ на пароходѣ въ Михайловскъ, принялъ насъ со свойственною всѣмъ морякамъ любезностью. Просьбы наши исполнены были съ быстротой встрѣчаемою только въ управленіяхъ не имѣющихъ большаго штата чиновниковъ и писарей. Съ героемъ-командиромъ *Константина*, капитаномъ II ранга Макаровымъ, я встрѣчался раньше, на Одесскомъ рейдѣ, когда въ бытность нашего полка въ Одессѣ я имѣлъ въ своемъ распоряженіи яхту вице-командира Черноморскаго яхтъ-клуба Н. М. Бухарина. Мы были приглашены обѣдать въ пять часовъ къ Макаровымъ. Они жили въ домѣ командующаго войсками. Двухъэтажный, изъ тесанаго камня, съ чугуннымъ крыльцомъ и такими же балконами, домъ этотъ походилъ на маленькіе отели и жилища достаточныхъ Европейцевъ на Востокѣ. Большія залы съ паркетными полами уставлены растеніями; на столахъ альбомы, русскіе и иностранные журналы и газеты, дорогія бездѣлушки, словомъ все отчего глазъ нашъ уже успѣлъ отвыкнуть; переносишься въ

другой отдаленный міръ, чуждый тревогъ боевой жизни; нѣкоторыя детали обстановки обличаютъ присутствіе молодой, свѣтской женщины.

Я совершенно забылъ что нахожусь въ Закаспійскомъ краѣ, а не въ петербургскомъ салонѣ. Но не лучше ли здѣсь?—двери на балконъ открыты настежь; солнце грѣетъ; чудное, темносинее море уходитъ вдаль, блѣднѣя до сліянія съ небосклономъ. За столомъ хозяинъ дома разрѣзываетъ арбузы и дыни,—и это въ январѣ! Настала ночь, теплая, ясная. Небо свѣтило зеленымъ бенгальскимъ огнемъ. Мы долго сидѣли на крылечкѣ гостиницы не рѣшаясь стряхнуть поэтическое настроеніе, невольно сообщающееся при созерцаніи чудесъ природы. Ночь на востокѣ не есть тишина, безмолвіе сна всей природы. Жизнь дня, мелочная, тревожная, шумная смѣняется новою жизнію, беззаботною, возвышающею душу, вселяющею спокойствіе и возбуждающею ко всему хорошему. Вдали раздаются слабые звуки зурны, доносится пѣніе какого-то народнаго мотива. Эти звуки, этотъ мотивъ могли родиться только подъ впечатлѣніемъ этой чарующей ночи. Даже при совершенномъ безмолвіи носится въ воображеніи, словно въ воздухѣ, какая-то неуловимая мелодія, вспоминаются какъ во снѣ какія-то небывалыя ощущенія. Испытывалъ я это только въ необозримыхъ степяхъ нашихъ южныхъ окраинъ и на Востокѣ.

Насталъ ясный, теплый день, солнце грѣло какъ весной. На базарѣ появились Туркмены на рослыхъ, немного жидковатыхъ лошадяхъ, съ сухими головками, большими умными глазами и тонкими, настороженными, подвижными ушами. Лошади, несмотря на теплую погоду, покрыты нѣсколькими попонами. Почти голыя, вислоухія борзыя, тоже покрытыя ковровыми попонами, рыщутъ по базару.

Слухи самые разнорѣчивые ходятъ о смерти генерала Петрусевича; изъ болѣе вѣрныхъ источниковъ узнали мы слѣдующее: полковникъ Куропаткинъ занялъ почти безъ боя кишлакъ не вдалекѣ отъ Геокъ-Тепе, захватилъ найденный тамъ запасъ саману и ячменя и вернулся обратно въ лагерь. Разсказываютъ между прочимъ что отставшіе по неизвѣстной причинѣ (вѣроятно для баранты *), два оренбургскіе

* Захватъ непріятельскаго имущества называется въ Туркестанскомъ краѣ барантой.

казака были застигнуты Текинцами и изрублены. Вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ рѣшено было этотъ Кишлакъ опять занять и оставить на этотъ разъ за собою, для чего ночью былъ двинутъ маленькій отрядъ, съ которымъ вызвался идти генералъ Петрусевичъ. Стало свѣтать когда авангардъ казаковъ, подъ командой князя Голицына, подходилъ къ садамъ прилегающимъ къ калѣ. * Казаки слѣшились и осторожно подвигались впередъ, но подъѣхавшій генералъ Петрусевичъ сталъ торолить наступленіе. Встрѣченные выстрѣлами изъ-за глиняной стѣны, казаки обошли ее и открыли пальбу залпами по уходящимъ изъ первой ограды Текинцамъ, которые нѣсколько разъ поворачивались и бросались въ шашки, но безуспѣшно: они ложились десятками въ нѣсколькихъ шагахъ отъ смертоносныхъ казачьихъ берданокъ. Въ то время какъ казаки дрались у первой ограды, генералъ Петрусевичъ съ нѣсколькими драгунами отправился далѣе къ слѣдующей калѣ, въ которой не ожидалъ сопротивленія, но лишь только онъ въѣхалъ въ ворота, раздался залпъ, и храбрый генералъ упалъ съ лошади убитый наповалъ; одновременно были убиты два драгунскіе штабъ-офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ. Подоспѣвшіе пѣхота и драгуны бросились на выручку, но уже поздно. Завязался ожесточенный бой, причемъ наши были три или четыре раза отбиты; такимъ образомъ тѣла убитыхъ переходили, при разныхъ фазисахъ боя, изъ рукъ въ руки. Когда Текинцы были наконецъ выбиты изъ калы, генералъ Петрусевичъ былъ найденъ подъ грудою тѣлъ убитыхъ.

Для общаго вьюка, то-есть для провизіи, котелка, чайника и фонаря, мы нашли нужнымъ кулить ишака (осла). Я пріобрѣлъ ишака со вьючнымъ сѣдломъ за 12 рублей. Онъ сразу сдѣлался общимъ любимцемъ. Дѣйствительно, нѣтъ животнаго болѣе кроткаго, выносливаго и неприхотливаго на кормъ, какъ эти маленькіе ишаки. Какое-то дѣтское выраженіе глазъ, вѣчно подвижныя уши придаютъ имъ забавную миловидность.

Мы приглашены къ коменданту на стаканъ кахетинскаго. Обстановка у него совсѣмъ азіятская: вездѣ ковры, тахты, мутаки. Въ передней бѣгаютъ ручные фазаны; айва и другіе фрукты висятъ на веревкахъ протянутыхъ полерекъ комнаты, банки съ вареньемъ стоятъ на подоконникахъ. У

* Кала—укрѣпленіе состоящее изъ глиняной стѣнки съ бойницами.

коменданта передается какъ базарный слухъ * что Геокъ-Тепе занятъ нашими войсками безъ боя и Текинцы удалились въ Асхабадъ.

Установивъ лошадей и ишака на баржѣ подъ наблюденіемъ Ужахова и сложивъ наши вещи въ каютѣ парохода *Бекетовъ*, мы отправились провести вечеръ съ Макаровыми. На обратномъ пути темь была такая что земли не видно подъ ногами. Проходя узкимъ ларалетомъ вдоль берега моря, я оступился и слетѣлъ съ довольно значительной высоты, но къ счастію не въ воду. Перелома костей не оказалось, но сильный ушибъ ноги едва позволялъ двигаться.

Вмѣсто того чтобъ отойти въ ночь, какъ это дѣлается обыкновенно, мы снялись съ якоря только въ восемь часовъ утра, вслѣдствіе того что нагрузка шпалъ и рельсовъ на баржи, которыя мы должны были буксировать, окончена была только подъ утро. Было ясно, тепло; на морѣ ни одной морщинки. Къ закату солнца мы подошли къ „Анненковскимъ девяти футамъ", то-есть къ мѣсту гдѣ прежде была установлена генераломъ Анненковымъ пересадка съ большихъ морскихъ пароходовъ на рѣчной, мелко-сидящій, которому только и былъ доступенъ входъ въ старое устье Аму-Дарьи. Въ настоящее время морскія суда выгружаются въ Красноводскѣ и оттуда на баржахъ, буксируемыхъ малыми пароходами, доставляется грузъ въ Михайловскій заливъ. Брошенъ былъ якорь, такъ какъ ночью трудно пробуксировать четыре громадныя баржи по узкому фарватеру залива.

12го на разсвѣтѣ мы вошли въ излучистый заливъ, среднею шириной около полуверсты, суживающійся до ста саженъ въ крутыхъ изгибахъ. По берегамъ ни слѣда растительности. Отъ моря до Михайловска тянутся рядами скалистые или песчаные барханы **. Стайки чалдаковъ *** и дикихъ утокъ поднимаются съ поверхности воды при приближеніи парохода и садятся снова немного дальше. Я стрѣлялъ по нимъ нѣсколько разъ изъ магазинки, но не попадалъ.

---

* Базарными слухами называютъ здѣсь свѣдѣнія получаемыя и передаваемыя на базарѣ. Они часто бываютъ вѣрны и доходятъ съ съ изумительною быстротой.

** Холмы, горы.

*** Нырецъ, гагара; изъ шкурки дѣлаются кошельки и другія мелкія издѣлія.

Въ пять часовъ вечера мы подошли къ Михайловску, бросили баржи у грузовой пристани, а сами отвартовались у пассажирской. Михайловскъ существуетъ съ начала постройки желѣзной дороги. Военно-служащіе помѣщаются въ кибиткахъ. Немного позади, въ ряду жиденькихъ досчатыхъ бараковъ, Армяне и Персіяне занимаются хлѣбопеченіемъ и мелочною торговлей; есть и ресторанъ. Инженеры, строители желѣзной дороги, живутъ въ вагонахъ, обитыхъ внутри кошмой * и довольно удобно приспособленныхъ для жилья. Вагоны замѣняютъ собою также всѣ постройки необходимыя на конечныхъ пунктахъ желѣзныхъ дорогъ, какъ-то: станцію, телеграфъ и другія; въ вагонѣ помѣщается и офицерская столовая.

Лошади не могли быть сняты съ баржи ранѣе полуночи, вслѣдствіе того что на очереди стояли для разгрузки три другія баржи. На грузовой пристани работа идетъ всю ночь при электрическомъ освѣщеніи съ опрѣснителя. ** Говорятъ, было предложено употреблять электрическій свѣтъ во время ночныхъ вылазокъ Туркменовъ, бросая въ нихъ ослѣпительные лучи рефлекторомъ, но генералъ Скобелевъ не согласился, хотя и признавалъ что на лолудикихъ Текинцевъ могло бы это навести панику.

Лошадей спущенныхъ съ баржи мы привязали у опрѣснителя и пошли отдохнуть на пароходъ; но не на долго: въ четыре часа пришлось устанавливать лошадей въ вагонъ, съ ними помѣстился Ужаховъ, мы же съ вещами помѣстились въ товарномъ вагонѣ, въ которомъ везли почту. Начальникомъ станціи — офицеръ желѣзнодорожнаго баталіона; его помощникъ, кондукторы, машинисты и всѣ рабочіе при поѣздѣ — нижніе чины того же баталіона. Съ непривычки странно видѣть поѣздъ управляемый солдатами при оружіи. Нужно однако отдать справедливость что ни суеты, ни безпорядковъ, неминуемыхъ на строящихся линіяхъ, гдѣ движеніе поѣздовъ неправильно, здѣсь не замѣчается.

Въ 7 часовъ поѣздъ въ тридцать вагоновъ тронулся. Мы идемъ среди однообразныхъ, песчаныхъ холмовъ, пересѣченныхъ солончаками. На крутыхъ перевалахъ, которые мало-по-малу раскапываются и уравниваются сотнями рабочихъ,

---

* Войлокъ.

** Въ Михайловскѣ два опрѣснителя работаютъ день и ночь и опрѣсняютъ 11.000 ведеръ воды, которыя развозятся потомъ по линіи желѣзной дороги.

локомотивъ иногда вынужденъ былъ по нѣсколько разъ возвращаться назадъ чтобы съ разбѣга вытянуть нашъ черезчуръ тяжелый поѣздъ. На первомъ подъемѣ пришлось даже обратиться къ помощи втораго локомотива, который вышелъ для этой цѣли изъ Михайловска.

По пути мы останавливались на станціи Мала-Кары и на тѣхъ пунктахъ гдѣ рабочіе уравнивали полотно желѣзной дороги, раскапывая возвышенности и засыпая лощины, постепенно перекладывая рельсы на вновь насыпанное полотно. Рабочимъ раздавался хлѣбъ и вода. Водку запрещено продавать; рабочіе же достаютъ изрѣдка у солдатъ спиртъ, которымъ выдается въ отрядѣ, чарками, винная порція. За бутылку плохаго спирту платятъ не рѣдко до семи рублей.

Мясо получается рѣдко, полагается хлѣбъ и крупа. Часто случалось мнѣ видѣть что оборванные мужики покупали у маркитантовъ сардинки и высохшую, одервенѣлую колбасу за баснословную плату чтобы сколько-нибудь разнообразить выдаваемую имъ пищу. Если харчи скудны, за то денегъ остается много и ведется сильная картежная игра. Чернорабочіе проигрываютъ иногда до ста рублей. Разказываютъ что одинъ изъ нихъ выигралъ шесть тысячъ рублей, прикинулся больнымъ и былъ отвезенъ на тотъ берегъ, гдѣ открылъ лавочку и богатѣетъ.

Въ часъ дня мы прибыли въ Балла-Ишемъ. Это лагерь изъ кибитокъ и палатокъ, окруженный канавой съ валомъ; у входовъ стоятъ часовые. Внѣ лагеря помѣщаются лавочки изъ лубковъ и досокъ, въ которыхъ продаются изъ съѣстныхъ припасовъ все тѣ же сардинки, колбаса, сыръ и чай; вмѣстѣ съ галантерейнымъ товаромъ можно найти кожи, подковы и проч. Въ такихъ же баракахъ и въ товарныхъ вагонахъ живутъ чины желѣзно-дорожнаго баталіона служащіе при дорогѣ. Командиръ баталіона, полковникъ Барминъ, помѣщается отдѣльно въ вагонѣ, поднятомъ на столбахъ аршина на два надъ землей.

Намъ было разрѣшено заказать обѣдъ и воспользоваться помѣщеніемъ въ офицерской столовой желѣзно-дорожнаго баталіона; плата не высока, въ послѣдствіи намъ передавали что съ гостей она вовсе не взимается и что деньги были приняты отъ насъ служителями вѣроятно по недоразумѣнію.

Для дальнѣйшаго слѣдованія нужно было разрѣшеніе полковника Бармина, исправлявшаго должность начальника

Михайловской линіи, то-есть пути отъ Михайловска до Бами. Онъ былъ въ отсутствіи и ожидался вечеромъ того же дня въ Балла-Ишемъ. Неувѣренность въ томъ что мы будемъ пропущены впередъ сильно насъ тревожила. Хотя мы и рѣшились пробраться до Геокъ-Теле во что бы то ни стало, но все же легче и пріятнѣе было бы это исполнить слѣдуя по проложенному пути, вдоль телеграфной линіи, служащей руководящею нитью и пользуясь ночлегами на нашихъ станціяхъ, нежели бродить вдали отъ дорогъ, скрываясь отъ взоровъ комендантовъ и избѣгая остановокъ на бивуакахъ нашихъ войскъ. Запугали насъ въ Красноводскѣ, сказавъ что необходимо предписаніе или разрѣшеніе генерала Скобелева для свободнаго проѣзда, безъ чего пропуска де не будетъ. Это распоряженіе дѣйствительно было сдѣлано во избѣжаніе репортеровъ. Однако Барминъ не затруднился насъ отправить далѣе.

Мы ночуемъ подъ открытымъ небомъ у сложенныхъ въ кучу своихъ вещей, традиціонно завернувшись въ бурки съ сѣдлами подъ головами. Ночью поднимается страшная вьюга. Песокъ мететъ по низу, онъ проникаетъ всюду, засыпаетъ глаза какъ только высунешься изъ-подъ бурки. Перепуганныя лошади сорвали коновязь и носятся съ нею по полю. Жеребецъ майора Б. грызетъ и бьетъ другихъ лошадей. Насилу поймали лошадей и установили опять коновязь.

Кромѣ майора Б. присоединился къ нашей компаніи еще одинъ спутникъ до Бами—Dr. Кр—скій, симпатичный и нетребовательный; такого товарища пріятно имѣть въ походѣ. Не дай Богъ спутника который вмѣсто того чтобы помогать другимъ и себѣ ничего онъ не умѣетъ или не хочетъ дѣлать: ухаживай за нимъ, выкорми, убери и осѣдлай ему лошадь; пока другіе таскаютъ топливо, варятъ пищу, или вьючатъ лошадей, онъ смотритъ сложа руки, отговариваясь слабостью здоровья и неумѣніемъ. Попался и намъ одинъ такой, но и онъ приносилъ намъ долю пользы: онъ, единственный изъ насъ, имѣлъ предписаніе и потому могъ требовать у комендантовъ овесъ и сѣно, а также хлѣбъ, мясо и крупу, которые безъ предписанія ни подъ какимъ видомъ не выдавались. Положимъ что у казаковъ и солдатиковъ всегда можно купить и фуражъ, и провіантъ, но для этого приходится вступать съ ними въ дипломатическіе переговоры, продолжающіеся иногда довольно долго, а

желудки, какъ наши, такъ и лошадей нетерпѣливо требовали пищи.

Долго мы собирались, укладывались, пригоняли вьюки, поправляли новыя сѣдельныя принадлежности, распредѣляли между собою общія вещи, снаряжали вьюкъ для ишака, и какъ всегда оказывается, предъ выступленіемъ въ походъ на вьюкахъ у насъ нашлось много совершенно лишнихъ вещей.

Въ Балла-Ишемѣ мы застали преображенскаго юнкера не выдержавшаго экзамена въ офицеры и ѣхавшаго въ передовой отрядъ, въ надеждѣ тамъ дослужиться до желанныхъ эполетъ. Не имѣя лошади, онъ долженъ былъ слѣдовать съ интендантскимъ транспортомъ шедшимъ подъ конвоемъ пѣхоты; онъ взялся наши лишнія вещи доставить въ Бами, гдѣ онѣ могли быть нужны еслибы мы остались въ Закаспійскомъ краѣ долѣе чѣмъ предполагали.

Такъ какъ поѣзда ходили впередъ до укладки рельсовъ, за 12 верстъ отъ Балла-Ишема, то мы этимъ воспользовались чтобы сложить и отправить наши вещи на платформѣ рабочаго поѣзда, а сами прошли это пространство налегкѣ. Рядомъ съ насыпаемымъ полотномъ кладутся связанные поперечинами рельсы, служащіе для подвоза различныхъ матеріаловъ и рельсовъ для пароваго пути. Къ маленькимъ платформамъ, окруженнымъ рѣшеткой, припрягается одна или двѣ лошади, которыя легко везутъ громадный грузъ. Конка эта прокладывается чрезвычайно быстро, она обгоняетъ постройку пароваго пути верстъ на пятнадцать и значительно способствуетъ ускоренію работъ по насыпкѣ полотна и укладкѣ рельсовъ.

Въ то время какъ мы чистили, сѣдлали и вьючили лошадей, майоръ Б. съ офицерами желѣзнодорожнаго баталіона остался обѣдать, разчитывая что на своемъ добромъ конѣ ему легко будетъ насъ нагнать. На первыхъ же испытаніяхъ его лошадь оправдала возлагавшіяся на нее надежды: не даромъ она мнѣ такъ приглядѣлась еще въ Баку. Однако Б. нагналъ насъ только на укладкѣ, гдѣ мы переложили наши вещи на вагонетку (конную платформу), обязательно предложенную однимъ изъ бывшихъ тутъ инженеровъ, и поѣхали далѣе въ Айдино.

Майоръ Б. и я оставались при укладкѣ вещей, остальные проѣхали впередъ чтобы приготовить какое-нибудь убѣжище для ночлега и ужинъ. Не думалъ я что сопровожденіе ваго-

нетки окажется такою трудною работой: чрезъ каждую версту она соскакивала съ рельсовъ вслѣдствіе какой-то неисправности въ ходу и опрокидывалась, причемъ багажъ разлетался во всѣ стороны. Мы устанавливали опять вагонетку на рельсы и складывали на нее вещи.

Было уже темно когда мы подошли къ Айдино. Этотъ переходъ всего 26 верстъ, но мы много потеряли времени при сборахъ и перекладкахъ, а потому и прибыли такъ поздно. Чей-то голосъ окликнулъ насъ: „Кто идетъ?“ на нашъ отвѣтъ послѣдовало приказаніе остановиться и ждать прибытія дежурнаго, за которымъ послано было со сторожеваго поста. Мы попали уже въ сферу военныхъ дѣйствій. Эти предосторожности здѣсь не излишни: шайки Туркменъ бродятъ всюду и при малѣйшей оплошности легко могутъ вырѣзать крошечный гарнизонъ укрѣпленія, то-есть площадки окруженной не глубокою траншеей. Минутъ черезъ двадцать прибылъ дежурный и провелъ насъ къ воинскому начальнику, у котораго сидѣли уже за чаемъ Кр—скій, С. и Тр.

Кромѣ коменданта, молодаго капитана, георгіевскаго кавалера, Барищевскаго, сидѣли въ кибиткѣ еще три офицера. Они казались очень оживленными; за то С. и Тр. имѣли видъ людей опечаленныхъ — да и было отчего; послѣ первыхъ словъ привѣтствія, любезный хозяинъ сообщилъ намъ вновь прибывшимъ извѣстіе такъ различно подѣйствовавшее на сидѣвшихъ здѣсь. Два дня тому назадъ, то-есть 12 января, Геокъ-Тепе былъ взятъ штурмомъ и Текинцы бѣжали частію въ Асхабадъ, частію въ лески.

Какъ не радоваться успѣхамъ русскаго оружія, но въ этомъ успѣхѣ мы никогда не сомнѣвались и ѣхали мы сюда только съ тѣмъ чтобы раздѣлить славу этого успѣха. Обидно было опоздать всего на какихъ-нибудь шесть-восемь дней. Съ этой минуты наша поѣздка теряла первоначальный интересъ и дѣлалась обыкновеннымъ путешествіемъ; оставалась только одна надежда: что мы поспѣемъ къ тѣмъ дѣламъ которыя могли быть у Асхабада и далѣе на пути къ Мерву, а также мы разчитывали на встрѣчи съ немирными Текинцами. Въ этой послѣдней надеждѣ насъ поддерживала телеграмма Анненкова что Текинцы бѣжавшіе въ лески по всей вѣроятности будутъ нападать на наши сообщенія, чтобы заставить оттянуть часть войскъ изъ передоваго отряда и для возобновленія продовольственныхъ запасовъ. Приказано было

быть особенно бдительными по всей Михайловской и Атрекской линіямъ.

Ночью выпалъ снѣгъ, но на слѣдующій день стаялъ. Гостепріимный комендантъ не согласился выпустить насъ безъ завтрака, а потому мы тронулись только въ двѣнадцать часовъ—да куда и спѣшить теперь?—на штурмъ опоздали!

Офицеръ выступившій ночью съ отрядомъ на встрѣчу транспорта разрѣшилъ намъ сложить въ идущую съ нимъ фуру вьюки, и мы опять вышли налегкѣ. Одинъ только ишакъ понесъ переметныя сумы, куржумы съ провизіей и общими вещами. Оказалось однако что не соразмѣрили вѣсъ вьюка съ силой животнаго: ишакъ нѣсколько разъ ложился, и только послѣ трехъ—пяти минутъ отдыха опять подымался и шелъ впередъ. Кромѣ чрезмѣрной тяжести и плохая пригонка вьюка мѣшала бѣдному животному рысить за ходой нашихъ лошадей: переметныя сумы, связанныя слишкомъ длинными ремнями, болтались у него между ногами, не давали хода и набивали бока и спину. Предъ закатомъ мы подошли къ бивуаку полуроты Ставропольцевъ, прикрывавшихъ работы телеграфистовъ по замѣнѣ походнаго телеграфа—постояннымъ; здѣсь мы согласились переночевать. Кстати и ишакъ отсталъ далеко позади съ Ужаховымъ, которому онъ порученъ. Командиръ полуроты послалъ верблюда чтобы привезти вьюкъ, который ишакъ едва, едва тащилъ.

Ночь холодная. Мы усѣлись у костровъ и слушали пѣсенниковъ. Я готовилъ ужинъ. Нашъ хозяинъ угостилъ насъ ведромъ воды, что̀ составляетъ здѣсь большую рѣдкость и высоко цѣнится. Воинскій начальникъ и офицеры телеграфнаго вѣдомства предложили намъ свои коламейки * для ночлега.

Разговоръ зашелъ вечеромъ о большей или меньшей вѣроятности нападенія Текинцевъ на постъ и о томъ какія мѣры предосторожности могутъ быть дѣйствительны. По всестороннемъ обсужденіи этого вопроса, мы пришли къ заключенію что ни секреты, ни сторожевые посты такого малаго отряда не могутъ его предохранить отъ гибели въ случаѣ ночнаго нападенія значительнаго числа Текинцевъ. Это насъ успокоило совершенно; значитъ не о чемъ и заботиться: хоть охраняйся, хоть не охраняйся,—если нападутъ, все равно всѣхъ вырѣжутъ. На этомъ рѣшеніи мы и заснули сладчайшимъ сномъ.

---

* Малая кибитка.

Чуть солнце показалось на горизонтѣ, мы выступили съ бивуака. Часть вьюка была положена на верблюда, уступленнаго намъ воинскимъ начальникомъ изъ такъ-называемыхъ дохлыхъ. Верблюды пристающіе при слѣдованіи транспорта бросаются на мѣстѣ; большинство погибаетъ тутъ же отъ изнуренія и недостатка воды и пищи; незначительная часть послѣ отдыха разыскиваетъ воду и если найдетъ, часто пропадаетъ отъ перепоя или слабости; оставшіеся въ живыхъ бредутъ въ мѣста поросшія колючкой, гдѣ и пасутся пока Тюркмены или наши не воспользуются вновь ихъ услугами. Начальникъ поста въ Ахча-Куйме, такъ называется перевалъ черезъ невысокій кряжъ въ трехъ верстахъ отъ бивуака отряда, собиралъ бродящихъ по степи верблюдовъ, поилъ и посылалъ на пастьбу; тѣ быстро поправлялись и дѣлались опять годными къ работѣ. Это дѣлалось изъ желанія помочь по мѣрѣ силъ и средствъ общей задачѣ.

Большая часть строевыхъ офицеровъ оставленныхъ на сообщеніяхъ тяготилась скучною, однообразною службой и искала работы; имъ нужна была кипучая дѣятельность чтобы забыть что они принимаютъ пассивное, а не активное участіе въ завоеваніи Края. Съ какимъ увлеченіемъ они берутся за все что̀ ведетъ къ успѣху общаго дѣла и даетъ имъ возможность быть полезными!

Не доходя полуверсты до вершины перевала оборвалась одна изъ переметныхъ сумъ навьюченныхъ на верблюда, мы остановились; легкими ударами нагайки по переднимъ ногамъ верблюда, Ужаховъ заставилъ его опуститься на землю. Кое-какъ мы перевязали сумы веревками, опять наложили на вьючное сѣдло и предложили верблюду встать, онъ не противился и бодро зашагалъ впередъ. Пока мы возились со вьюками, докторъ проѣхалъ впередъ до вершины перевала, но чрезъ нѣсколько минутъ рысью вернулся назадъ. Поднявшись на гору онъ услыхалъ четыре залпа въ направленіи нашего лути и поспѣшилъ насъ объ этомъ извѣстить. Майоръ Б., который оставался около насъ, утверждалъ что онъ тоже слышалъ явственно залпы, а что звукъ этотъ онъ отличитъ всегда какъ бы далеко онъ не раздавался: долгое пребываніе на зеленыхъ горахъ у Скобелева сдѣлало его чуткимъ ко всему что̀ происходило у непріятеля.

Предположивъ что вѣроятно атакованъ Текинцами транспортъ ожидаемый въ этотъ день въ Ахча-Куйме и слышны

были заллы конвоирущей его лѣхоты, мы рѣшили идти впередъ и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Начальство надъ нашимъ отрядомъ было передано мнѣ. Насъ было шесть человѣкъ конныхъ, одинъ верблюдъ и ишакъ. У С. и у меня были магазинки Винчестера и револьверы, у остальныхъ револьверы. Шашки у всѣхъ. На случай нападенія сильнѣйшаго непріятеля былъ отданъ слѣдующій приказъ: положить верблюда и сгруппировать около него забатованныхъ * лошадей и ишака. Стрѣлять по очереди: слерва мнѣ, потомъ С. изъ магазинокъ; затѣмъ, по приближеніи непріятеля на пистолетный выстрѣлъ начинать стрѣльбу изъ револьверовъ, также соблюдая очередь чтобы давать время заряжать оружіе, не прерывая огня.

Зарядивъ магазинки мы двинулись впередъ, выславъ въ авангардъ майора Б. у котораго былъ сильный бинокль. Чудная картина открылась намъ съ вершины перевала: утреннее солнце освѣщало косыми лучами обширную долину, искрившуюся отъ покрытыхъ блестками солончаковъ; впереди и вправо къ западу горы, покрытыя еще не стаявшимъ вчерашнимъ снѣгомъ, освѣщались яркимъ карминомъ на лазури неба. Влѣво, за голыми, непригляднымі холмами, простиралась до небосклона сыпучая, песчаная пустыня. Дорога проходила версты три по долинѣ, затѣмъ скрывалась за холмомъ. Вглядываемся мы вдаль; не замѣтимъ ли гдѣ дыма отъ слышанныхъ залловъ, но нѣтъ—небо чисто. Однако что̀ это у холма, тамъ впереди? Кустарникъ или люди? Въ этой мѣстности гдѣ самая жалкая растительность составляетъ рѣдкость, при появленіи вдали темныхъ очертаній вѣрнѣе предполагать что это живыя существа, а не деревья или кусты. Но вотъ изъ темной полоски выдѣляется одна фигура, потомъ другая, потомъ третья. Сомнѣнія нѣтъ—это люди; но кто такіе, наши или Текинцы? одни ли они или высланы они отъ части оставшейся за холмомъ? Да и полоска изъ которой они выдѣлились смотритъ какъ-то подозрительно.

Я рысью выѣхалъ впередъ на рекогносцировку, мои товарищи послѣдовали за мною шагомъ. Условлено что если я

* Батовать коней значитъ, поставивъ лошадей головами къ хвостамъ рядомъ стоящихъ, пропустить перекинутый поводъ подъ путлище сосѣдней лошади и закинуть на заднюю луку. Когда лошади, такимъ образомъ связанныя, поставлены въ кругъ, то составляютъ хорошую защиту.

открою что это непріятель и притомъ въ превосходныхъ силахъ, то поскачу назадъ. Это будетъ служить сигналомъ для приготовленія къ бою. Магазинка у меня на передней лукѣ, шапка свободно ходитъ въ ножнахъ. Вотъ уже ясно видно ѣдущихъ рядомъ трехъ всадниковъ; на головахъ у нихъ мохнатыя шапки не русской формы, въ рукахъ блеснуло оружіе—должно-быть Текинцы. Но отчего они идутъ впередъ такъ увѣренно, не обращая вниманія на приближеніе русскаго мундира, за которымъ виднѣется поддержка? Разстояніе между нами все меньше и меньше, а я все въ нерѣшимости Текинцы ли это или нѣтъ. Наконецъ, шагахъ въ пятидесяти я не вытерпѣлъ и крикнулъ „кимъ сизъ?“ (кто вы?)—„Джигите, ваше благородіе“, было мнѣ отвѣтомъ, и тогда только я узналъ что мнѣ на встрѣчу шли Киргизы служащіе при отрядѣ для доставленія почты и по другимъ порученіямъ мирнаго свойства, а не воинственные Текинцы. Конечно, опытному глазу невозможно было бы ошибиться и на значительномъ разстояніи, но я тогда еще не зналъ что Текинца въ малахаѣ * и на маленькой киргизской лошадкѣ не увидишь.

Подъѣхали наши. Мы спросили у джигитовъ слышали ли они залпы; тѣ пояснили что одинъ ихъ товарищъ стрѣлялъ по табуну дикихъ лошадей—кулановъ. Его четыре выстрѣла, переданные эхомъ, показались доктору и Б. раскатами залповъ. При первомъ нашемъ появленіи на перевалѣ джигиты насъ тоже приняли за Текинцевъ, но ихъ зоркіе глаза открыли имъ что мы Русскіе прежде чѣмъ наши бинокли обрисовали силуэты всадниковъ. На вопросъ зачѣмъ они держали наготовѣ винтовки подходя ко мнѣ, они отвѣчали что приготовились на всякій случай не зная навѣрно кто мы такіе.

Небо заволокло сѣрыми, тяжелыми тучами, поднялся сильный вѣтеръ, и температура сразу понизилась на нѣсколько градусовъ. Только бурка можетъ предохранить отъ проницывающаго во всѣ швы вѣтра. Хотѣлось бы скорѣе добраться до мѣста ночлега, но насъ сильно задерживалъ верблюдъ, котораго ничѣмъ не заставишь идти болѣе четырехъ верстъ въ часъ, да это еще сытый верблюдъ, а слабый идетъ не болѣе трехъ, трехъ съ половиною верстъ.

На половинѣ дороги изъ Ахча-Куйме къ Казанджику мы встрѣтили возвращающійся транспортъ. Вещи наши

* Лисья или овечья остроконечная киргизская шапка мѣхомъ внутрь.

доставленныя до этого мѣста на фурѣ отряда выступившаго наканунѣ изъ Айдина были сданы джигитамъ для отправленія въ Казанджикъ. За доставку двухъ лудовъ багажа, на разстояніе 15 верстъ, Киргизы взяли съ насъ 7 рублей.

На мѣстѣ бивуака транспорта мы сдѣлали привалъ; закусили неизбѣжными сардинками и выпили по стакану прекраснаго матрасинскаго вина. По сторонамъ вьючнаго сѣдла, на ишакѣ, висѣли бурдюки по ведру вмѣстимости, одинъ съ бѣлымъ кахетинскимъ, другой съ краснымъ матрасинскимъ виномъ. Не разъ на пути мы останавливали ишака и прикладывались къ деревянному соску бурдюка. Холодная, вкусная влага утоляла на время жажду возбуждаемую неизмѣнною соленою пищей—сардинками и сухою, копченою колбасой. Это мы называли доить бурдючекъ.

До Казанджика мы шли десять часовъ; еслибы не верблюдъ, можно было бы сдѣлать этотъ переходъ (сорокъ верстъ) въ шесть часовъ. Комендантъ отдалъ въ наше распоряженіе кибитку внутри укрѣпленія, построеннаго на вершинѣ крутаго холма. Въ немъ помѣщались, кромѣ нашей, служащей обыкновенно для проѣзжающихъ, кибитка коменданта и джуламейка для походнаго телеграфа. Стоявшіе въ углахъ укрѣпленія катки на колесахъ, для наматыванія телеграфной проволоки, имѣли издали грозный видъ орудій. Можетъ-быть это было причиной того что Текинцы, часто бродившіе по сосѣдству, всегда держались на благородной дистанціи отъ Казанджикскаго укрѣпленія. Наша кибитка стоитъ на юру, дверью къ вѣтру, холодно ужасно. Костеръ болѣе дымитъ чѣмъ грѣетъ, только и надежды что на спиртъ и чай. Сегодня очередь доктора готовить ужинъ, и онъ доказалъ на бараньей ляжкѣ что не безъ пользы слушалъ лекціи въ анатомическомъ театрѣ. Несмотря на большое число тулуповъ, спать было очень холодно, и мы вскочили по первому кличу будившаго насъ казака чтобы скорѣе погрѣться у костра. Комендантъ назначилъ намъ въ конвой пять казаковъ и столько же джигитовъ; эти послѣдніе за плату, и довольно высокую, разобрали часть нашихъ вещей и тѣмъ облегчили лошадей. Киргизы славятся зоркостью и служатъ при конвоѣ для предупрежденія о появленіи непріятеля; разчитывать же на нихъ какъ на бойцовъ нельзя: при первой опасности они бѣгутъ.

Холодный вѣтеръ не спадаетъ, мы зябнемъ страшно; больше всѣхъ страдаетъ отъ стужи Ужаховъ, онъ съ завистью

смотритъ на мою шубу и на зимніе чевяки, безъ которыхъ плохо пришлось бы ночуя на открытомъ воздухѣ, какъ это намъ предстояло въ эту ночь, да и въ кибиткѣ казанджикской было не тепло.

Верстахъ въ пятнадцати отъ Казанджика мы увидѣли первую текинскую калу, — это маленькій редутъ огороженный глиняною стѣнкой въ аршинъ толщины; у входа, обращеннаго къ горамъ, возвышается небольшая башня съ бойницами и низкимъ входнымъ отверстіемъ. Казаки объясняли что башня служитъ для склада продовольствія, вершина же вышкой для часоваго.

Мы идемъ, имѣя съ правой стороны хребетъ Копетъ-дагъ, придерживаемся какъ можно ближе къ подножію горъ, такъ какъ въ случаѣ нападенія большой шайки Текинцевъ легче будетъ защищаться имѣя въ тылу укрытіе, чѣмъ находясь въ открытомъ полѣ, доступномъ со всѣхъ сторонъ.

Два казака и одинъ джигитъ идутъ далеко впереди, оглядывая каждую балку, рытвину, выемку. Отъ Казанджика до Ушака мѣстность на протяженіи сорока верстъ изрѣзана глубокими, извилистыми балками, удобными для засады или для скрытнаго движенія. Этимъ и воспользовались Текинцы менѣе мѣсяца тому назадъ. Къ транспорту шедшему изъ Кизилъ-Арвата въ Казанджикъ, подъ командой поручика Васильева, присоединился майоръ Х.... На половинѣ пути отъ Ушака, недалеко отъ источника Узунъ-су, джигиты донесли что партія Текинцевъ показалась въ тылу, другая съ боку. Число непріятеля все возрастало, онъ быстро приближался къ транспорту. Поручикъ Васильевъ не найдя возможнымъ отразить нападеніе въ растянутой колоннѣ, приказалъ строить вагенбургъ, то-есть положить верблюдовъ въ нѣсколько рядовъ, образуя каре, занявъ наименьшее пространство и затѣмъ обороняться до прибытія подкрѣпленія, если нападающій не отступитъ. Цѣлость транспорта лежитъ на отвѣтственности начальника его; однако майоръ Х..., не соглашаясь съ вышеизложеннымъ разумнымъ распоряженіемъ и пользуясь старшинствомъ чина, принялъ самъ начальство надъ транспортомъ и семьюдесятью солдатами конвоя и приказалъ прибавить шагу въ надеждѣ достигнуть Казанджика, избѣгнувъ нападенія. Колонна въ полторы тысячи верблюдовъ какъ не старалась подтянуться, все же занимала по меньшей мѣрѣ полверсты (на этой мѣстности

верблюды могутъ идти въ нѣсколько рядовъ). Конвой же шелъ въ тылу, въ головѣ колонны и по бокамъ. Текинцы, численностью около тысячи коней, приблизясь на ружейный выстрѣлъ, бросились съ крикомъ въ атаку. Въ самое непродолжительное время они зарѣзали двадцать шесть солдатъ, заворотили верблюдовъ и погнали въ пески. Майоръ, захвативъ съ собою двадцать человѣкъ шедшихъ въ авангардѣ, побѣжалъ къ горамъ, гдѣ, выбравъ удобную позицію, залегъ. Поручикъ Васильевъ, около котораго сгруппировались оставшіеся въ живыхъ, защищался упорно и заставилъ Текинцевъ отказаться отъ заманчиваго желанія вырѣзать головы этой горсти молодцовъ. Въ минуту нападенія, три джигита поскакали къ Казанджику за подкрѣпленіемъ; замѣтивъ это, Текинцы пустились за ними въ погоню. Двое были застигнуты и изрублены (Киргизовъ верблюдовожатыхъ Текинцы не тронули), третій же доскакалъ до укрѣпленія, преслѣдуемый по пятамъ Текинцами. Въ Казанджикѣ стояло два взвода пѣхоты и полсотни казаковъ. Услыхавъ въ чемъ дѣло, командиръ полусотни, сотникъ Алейниковъ, мигомъ поднялъ своихъ казаковъ и рысью двинулся къ мѣсту нападенія. Печальное зрѣлище представилось его глазамъ: убитые солдаты и лошади валялись то тутъ, то тамъ; оставшіеся въ живыхъ, окровавленные, изнуренные усиленнымъ маршемъ и неравнымъ боемъ, уныло смотрѣли на трупы товарищей. Транспортъ угнанный Текинцами уже исчезъ за горизонтомъ. Сотникъ Алейниковъ понялъ какъ тяжело можетъ отозваться на передовомъ отрядѣ потеря полуторы тысячи верблюдовъ и рѣшилъ пытаться вернуть отбитый транспортъ: понеслись казаки по широкому слѣду оставленному верблюдами; вотъ уже видятъ они двигающуюся впереди длинную полосу. „Что-то будетъ“? мелькнуло не у одного въ головѣ, и дѣйствительно мало надежды на успѣхъ при столкновеніи съ противникомъ въ двадцать разъ сильнѣйшимъ. Но не даромъ говоритъ пословица: „смѣлымъ Богъ владѣетъ“. Текинцы, не предвидя преслѣдованія, раздѣлились и, оставивъ незначительный отрядъ при транспортѣ, двинулись впередъ болѣе широкимъ аллюромъ въ недоступные пески. Послѣ непродолжительной схватки, Текинцы конвоирующіе транспортъ были частью перебиты, частью обращены въ бѣгство, и верблюды возвращены въ Казанджикъ. Генералъ Скобелевъ, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, созвалъ думу Св. Георгія, и крестъ этотъ былъ

присужденъ сотнику Алейникову, такъ славно его заслужившему.

Темнѣло когда мы подходили къ мѣсту гдѣ происходилъ бой. Небольшой курганъ образовался надъ братскою могилой гдѣ схоронены 26 убитыхъ солдатъ. Немного въ сторонѣ валяются изсохшіе трупы трехъ Текинцевъ и нѣсколькихъ лошадей. Поздно ночью мы подошли къ холмамъ у склона Колетъ-Дага; это Ушакъ. Останавливаются здѣсь на ночлегъ потому что есть колодезь. Отъ Казанджика до Кизилъ-Арвата, на протяженіи семидесяти пяти верстъ, имѣется вода только въ Узунъ-Су и въ Ушакѣ, да и то въ самомъ маломъ количествѣ. Когда мы слѣзли съ лошадей и стали устраивать костеръ изъ нарѣзанной по дорогѣ колючки, врача между нами не оказалось; окликнули его нѣсколько разъ, но никто не отвѣчалъ. Онъ ѣхалъ впереди и миновалъ вѣроятно Ушакъ, который находится въ сторонѣ отъ телеграфа вдоль котораго мы шли. Ночь темна и телеграфную проволоку не мудрено потерять, а тутъ можетъ-быть бродятъ по сосѣдству слѣдившіе за нашимъ малымъ отрядцемъ хищники Текинцы. Далеко ли до бѣды. Я разослалъ казаковъ и джигитовъ на поиски за медикомъ и на вершинѣ холма велѣлъ разложить костеръ чтобы привлечь вниманіе доктора и указать наше сборное мѣсто.

Часъ прошелъ въ тревожномъ ожиданіи; наконецъ послышались голоса въ непроницаемой тьмѣ.

— Что, доктора нашли? крикнули мы всѣ разомъ.

— Нашли, послѣдовалъ отвѣтъ, и чрезъ минуту сидѣлъ уже за стаканомъ чая у костра нашъ милѣйшій докторъ, надѣлавшій намъ столько тревогъ своею разсѣянностью и безпечностью.

Мы сильно устали, такъ и клонило ко сну; было за полночь когда мы пришли на мѣсто, но холодъ не давалъ спать, да и голодно было, однимъ чаемъ не насытишься. Скверно мы провели эту ночь и долго будемъ помнить Ушакъ. Чуть забрезжилъ свѣтъ, мы тронулись далѣе въ походъ. Много дрофъ попадалось по дорогѣ, но онѣ сторожки и ближе трехсотъ шаговъ не подпускали. Проходя кустами колючки, джигиты подняли волка и стали его кружить. Майоръ Б., который поскакалъ навстрѣчу, выстрѣлилъ четыре раза изъ револьвера и перебилъ заднюю ногу. Джигиты нагнали уходящаго на трехъ ногахъ звѣря и зарубили шашками.

Мы рано пришли въ Кизилъ-Арватъ, бывшее мѣстопребываніе хана, нынѣ—укрѣпленіе на одинъ баталіонъ и нѣсколько орудій. Укрѣпленіе расположено на возвышенности, у подножія коей течетъ арыкъ свѣжей, прозрачной воды. Внизу размѣстились казаки и джигиты. Комендантъ намъ уступаетъ одну кибитку, а съ помощью предписанія мы получаемъ хлѣбъ и мясо для насъ и овесъ для лошадей, а то пришлось бы ограничиться однимъ чаемъ, который былъ и у насъ, да притомъ всегда предлагается проѣзжающимъ комендантами.

Ужаховъ разказываетъ что въ Казанджикѣ онъ ночевалъ въ кибиткѣ у Киргизовъ. Они на ужинъ отрѣзали кусокъ лавшаго и уже съ сильнымъ запахомъ верблюда и, изжаривъ на угольяхъ, ѣли съ аппетитомъ. Ихъ очень удивило что Ужаховъ брезгалъ этимъ лакомствомъ!

Два казака и лять джигитовъ даны намъ въ конвой до Бами. Дорогой казаки участвовавшіе въ рекогносцировкѣ Геокъ-Тепе съ генераломъ Скобелевымъ 4 декабря разказывали что высылало изъ тапы конницы какъ комашекъ, а не подходятъ: залпа боятся, все кружатъ и кричатъ „ванлала“. Текинцы боятся нашей кавалеріи, считая ее отборнымъ войскомъ; на лѣхоту же они смотрятъ какъ на байгушей пропившихъ или потерявшихъ своихъ лошадей: для Текинца немыслимъ воинъ безъ лошади.

Вечеромъ мы прибыли въ Бами и расположились у кибитокъ занимаемыхъ комендантомъ и его управленіемъ. Ночь теплая и спалось бы на дворѣ отлично еслибы не нарушали тишину вой волковъ и лай шакаловъ, задававшихъ концертъ къ которому мы еще не привыкли.

Хотя было темно когда мы подъѣзжали къ Бами, но мы успѣли разсмотрѣть силуэты нѣсколькихъ деревьевъ: это были первыя видѣнныя нами за Каспіемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. КВИТКА.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

Пров. 50

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ

10324

1883

ІЮНЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ДВУХЪ ПРИВОЛЖСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ. К. Ѳ. Головина.

II. ЗА УРАЛЪ! Разсказъ изъ воспоминаній о Сибири. Часть первая. Гл. I—X. В. В. Романова.

III. РУССКАЯ ОБЛАСТЬ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ. П. К. Щебальскаго.

IV. ЗЛОЙ ДУХЪ. Романъ. Окончаніе. В. Г. Авсѣенка.

V. ПОѢЗДКА ВЪ АХАЛЪ-ТЕКЕ. 1880—1881. Окончаніе. А. В. Квитки.

VI. ДЕМОКРАТІЯ. Американскій романъ. Переводъ съ англійскаго. Главы I—V.

VII. ПОЛИТИЧЕСКІЙ ПАМФЛЕТЪ НА МУРАВЬЕВА. Н.

VIII. ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ. Записки неизвѣстной. Главы XXI—XXV. ***

IX. ПАМЯТИ МОЕГО СЫНА. Стихотворенія. К. К. Случевскаго.

X. БИБЛІОГРАФІЯ. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.

XI. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Толки о „дворянской эрѣ“.—Рѣчь г. Чичерина.—Кахановская коммиссія и реформа городскаго управленія.—Образцы нашего правосудія.—Католицизмъ и „польская справа“ въ Россіи.—„Культурная борьба“ во Франціи и Германіи.—Албанскія дѣла.—Наши текущіе экономическіе вопросы.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА. Радда-Бай.

ПОѢЗДКА ВЪ АХАЛЪ-ТЕКЕ*

1880—1881.

III.

Мы предполагали въ Бами дневать чтобы дать передохнуть лошадямъ, но комендантъ объявилъ что если мы не воспользуемся оказіей отправляемою въ то же утро въ Арчманъ, намъ придется прождать въ Бами можетъ-быть нѣсколько дней до слѣдующей оказіи. ** Безъ конвоя же онъ ни въ какомъ случаѣ не соглашался насъ отпустить далѣе. Мы рѣшили ѣхать въ тотъ же день.

Часть нашихъ вещей, казавшихся необходимыми на мѣстѣ и найденныхъ лишними на походѣ, я сдалъ сослуживцу въ округѣ, командиру 1й сотни № 5го Оренбургскаго казачьяго полка. Ишакъ былъ оставленъ здѣсь же.

Бами имѣетъ тотъ же характеръ какъ и другія наши укрѣпленія, съ тою только разницей что въ немъ помѣщается больше войскъ, имѣется лазаретъ и рѣденькій садикъ

---

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* № 5.

** Оказіей въ Туркестанѣ и здѣсь называютъ отряды составляемые отъ времени до времени для конвоированія почты или проѣзжихъ чиновниковъ.

окруженный стѣной, гдѣ стоятъ двѣ кибитки принадлежавшія генералу Скобелеву и отданныя имъ старшему уполномоченному Краснаго Креста. Есть тутъ и родъ базара, то-есть два ряда лавокъ въ которыхъ продается то же что въ Михайловскѣ и въ Балла-Ишемѣ, но только вдвое дороже. Немного дальше расположены пекарни для изготовленія лавашей или чурековъ — длинныхъ, плоскихъ лепешекъ изъ пшеничной муки. Но гордость Бами составляютъ два ресторана, въ одномъ изъ коихъ имѣется биллiардъ, то-есть волнистый, досчатый столъ съ возвышенными краями, обтянутый дырявымъ зеленымъ сукномъ. Ресторанъ этотъ состоитъ изъ огромнаго шатра, растянутаго надъ выкопанною, глубокою и обширною ямой. Парусина слабо предохраняетъ отъ дождя и еще меньше отъ вѣтра. Два длинные стола для посѣтителей и буфетъ за которымъ хозяйничаетъ Армянинъ, вотъ внутренняя обстановка этого заведенія. Закуски отличаются однообразіемъ, сухостью и страшною дороговизной; menu обѣда состоитъ изъ супа, говядины въ разныхъ видахъ и яицъ. О цѣнахъ можно судить по слѣдующему: 1 фунтъ сахару стóитъ 2 руб., фунтъ свѣчъ— тоже, рюмка водки—60 коп., бутылка водки—2 руб. 50 коп., и 3 руб., бутылка шампанскаго—15 руб. Несмотря на эти цѣны, человѣкъ брезгливый можетъ-быть и не рѣшился бы ѣсть поданный намъ обѣдъ, но мы были очень довольны найти кусокъ жаренаго мяса и стаканъ вина, котораго мы были лишены уже два дня: послѣднія калли были высосаны изъ бурдюковъ на Ушакѣ.

Оказія состоитъ изъ пяти казаковъ и трехъ джигитовъ везущихъ почту. Мы выступили въ часъ дня. Когда стемнѣло, послышался конскій топотъ, казаки тотчасъ же замѣтили что это свои, и дѣйствительно чрезъ двѣ, три минуты появилась группа всадниковъ, которая остановилась при встрѣчѣ съ нами. Среди казаковъ выдѣлялась фигура въ офицерскомъ пальто. Майоръ Б. узналъ въ прибывшемъ генерала Гродекова, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Туркестанѣ. Онъ ему тутъ же представился и передалъ цѣль нашей поѣздки. Генералъ Гродековъ, начальникъ штаба въ передовомъ отрядѣ, удивился что коменданты не задержали насъ, такъ какъ было строжайше запрещено пропускать впередъ не имѣвшихъ предписанія или разрѣшенія отъ генерала Скобелева. Вѣроятно намъ удалось проскочить или потому что распоряженіе

это еще не дошло до комендантовъ, или потому что наша наружность внушала довѣріе. Генералъ Гродековъ хотѣлъ насъ воротить въ Бами, но майору Б. удалось его смягчить, и онъ разрѣшилъ намъ продолжать путь, прибавивъ къ нашему конвою, который нашелъ недостаточнымъ, еще одного казака изъ своей свиты.

Было поздно когда мы подходили къ Арчману, и казаки боялись выстрѣла изъ нашихъ секретовъ или со сторожевыхъ постовъ. О движеніи своихъ отрядовъ дается знать впередъ комендантамъ; кромѣ того, во избѣжаніе недоразумѣній, приказано, подходя послѣ сумерекъ къ укрѣпленію, играть сигналы на трубѣ или высылать впередъ для предупрежденія одиночныхъ людей. Поэтому, для болѣе успѣшнаго отраженія нечаянныхъ нападеній, приказано было ночью не окликать подходящія кучки людей, а прямо открывать по нимъ огонь. Я выслалъ впередъ одного казака, и мы скоро благополучно добрались до укрѣпленія.

Насъ помѣстили въ лазаретной палаткѣ. Теплая, сильно насыщенная щелочью вода въ Арчманѣ очень непріятна на вкусъ, и чай, наше главное средство питанія, выходилъ мутный и ни на что не похожій; за то умыванье въ теплой, мягкой водѣ доставляло большое удовольствіе.

У входа въ укрѣпленіе сидѣли подъ надзоромъ часоваго плѣнные Текинцы; они были взяты въ горахъ отрядомъ посланнымъ за лѣсомъ. Изъ пятнадцати захваченныхъ трое были съ оружіемъ, а потому, вслѣдствіе приказа по войскамъ, подлежали разстрѣлянію; они смотрѣли весело, хотя и знали свою участь. Глядя на насъ, одинъ что-то сказалъ, другіе разсмѣялись. Ужаховъ перевелъ намъ слѣдующее: „Сегодня эти собаки насъ убьютъ, а завтра придутъ наши батыри * изъ лесковъ и всѣмъ имъ головы срѣжутъ“. Нужно признаться что шутки у нихъ довольно мрачны. Вмѣстѣ съ ними были захвачены и женщины, въ томъ числѣ жена Кизилъ-Арватскаго хана, довольно красивая. Онѣ сидѣли на корточкахъ въ отведенной имъ палаткѣ и все время рыдали.

Мы выступили въ 8 часовъ утра съ верблюжьимъ транспортомъ, согласно приказанію генерала Гродекова, поставившаго непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго слѣдованія чтобы мы

* Батырь—воинъ, джигитъ-наѣздникъ, храбрецъ.

пользовались имѣющимися оказіями и отнюдь не позволяли себѣ ѣхать одни, или отрывать казаковъ отъ службы только для нашего конвоированія. Пришлось повиноваться, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ грозили высылкой изъ отряда.

Въ Арчманѣ мы узнали что Асхабадъ оставленъ Текинцами и занятъ нашими войсками безъ боя.

На пути изъ Арчмана попадаются сады по кишлакамъ *, но они по большей части вырублены нашими войсками. Для того чтобы погрѣться у огонька въ теченіе одного дня проходящимъ мимо войскамъ, вся полоса отъ Кизилъ-Арвата до Геокъ-Теле лишилась своихъ тутовыхъ и фруктовыхъ деревьевъ. Въ этой мѣстности, гдѣ раскаленные, вертикальные лучи полуденнаго солнца грозятъ смертью тому кто хоть на минуту забудетъ объ этомъ Дамокловомъ мечѣ надъ его головой, каждый кустъ дающій тѣнь, каждая капля воды утоляющая страшную, мучительную жажду считаются святынями. Одно безъ другаго жить не можетъ: водяная струя спускаясь съ горъ увлекаетъ сѣмя; выброшенное на равнинѣ, оно тутъ же пріютится, зароется, пуститъ отростокъ, корни, а чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ манить къ себѣ истомленнаго солнцемъ странника. Арыкъ поддерживаетъ жизнь въ деревѣ, а корни его всасывающіе и сохраняющіе дождевую и ключевую воду образуютъ какъ бы резервуаръ—хранитель влаги, дающій новую силу водамъ арыка и не дозволяющимъ ему изсякнуть. Порубите деревья—арыки орошавшіе прежде большія пространства равнины будутъ теряться у подножія горъ въ сыпучей, ничѣмъ не связанной почвѣ.

Я понялъ бы разореніе непріятельскихъ угодій какъ кару, какъ месть за понесенныя нами потери; но кара эта должна падать на насъ самихъ: нашимъ войскамъ придется мѣсяцами, а можетъ-быть и годами терпѣть отъ знойныхъ лучей палящаго солнца не находя нигдѣ благотворной тѣни, потому только что одному отряду пріятно было погрѣться разокъ у веселыхъ костровъ. Здѣсь даже нѣтъ мѣста гуманной отговоркѣ что нельзя было лишить тепла и дровъ для варки пищи бѣдныхъ солдатъ измученныхъ походомъ, такъ какъ кострами и дровами пользовались не всѣ: на двухъ, трехъ привалахъ все сжигалось и на долю идущихъ вслѣдъ

* Аулъ, деревня.

оставалось только любоваться обугленными остатками прежнихъ роскошныхъ садовъ.

Арыки съ прекрасною, хрустальной прозрачности, водой встрѣчаются часто. Въ нихъ попадаются крабы, ничѣмъ не отличающіеся отъ морскихъ; это вѣроятно потомки крабовъ обитавшихъ въ моряхъ, которыя покрывали во время оно всю эту плоскость. Многочисленные солончаки свидѣтельствуютъ о бытности здѣсь когда-то моря.

Повсюду гдѣ вода, спускаясь съ высоты горъ, прорывается въ арыки, устроены мельницы. Пользуясь стремительностью горныхъ потоковъ, Туркмены очень искусно направляютъ ихъ каменными жолобами вверхъ подъ угломъ десяти или пятнадцати градусовъ чтобы получить бо́льшую высоту паденія. Жернова, установленные внизу, приводятся въ движеніе силой паденія воды, которая затѣмъ опять собирается и поднимается нижестоящимъ жолобомъ до слѣдующей мельницы. Всѣ видѣнныя мною были разрушены нашими солдатами, вѣроятно съ тою же цѣлью наказанія непріятеля.

Въ четыре часа мы пришли въ Дурунъ или Оренбургское укрѣпленіе, названное такъ потому что Оренбургскіе казаки принимали участіе въ его занятіи. Всѣ пункты, занятые нашими войсками, получили названія различныхъ частей входившихъ въ составъ передоваго отряда: такъ Бами названо Таманскимъ укрѣпленіемъ, въ честь Таманскаго полка Кубанскаго казачьяго войска, Эгіанъ-Батырь-Кала — Самурскимъ укрѣпленіемъ.

Довольно большая мечеть приспособлена для лазарета. На крышѣ мечети стоитъ часовой, которому съ этой вышки открывается обширный горизонтъ. Внутри стѣнки расположены кибитки и палатки офицеровъ и нижнихъ чиновъ пѣхоты и артиллеріи; въ углахъ стоятъ орудія. Вечеръ ясный и теплый. Съ тѣхъ поръ какъ мы въ походѣ, намъ въ первый разъ достается имѣть такую пріятную стоянку для ночлега. За стѣнкой, гдѣ стоятъ казаки и джигиты, слышенъ стройный хоръ пѣсенниковъ, да какихъ! ни въ какой части нѣтъ такихъ песенниковъ какъ у Кавказскихъ казаковъ: голоса дивные, да и репертуаръ у нихъ хорошъ: пѣсни боевыя, возбуждающія, раззадаривающія, смѣняются заунывными, мелодичными. Пѣсни полныя поэзіи, нѣги, пѣсни сложившіяся подъ теплымъ небомъ, среди роскошной природы...

И ужинъ былъ у насъ роскошнѣйшій: купленныя у Армянина-маркитанта горныя курочки, застрѣленныя въ сосѣднихъ горахъ, составляли въ двухъ видахъ нашъ ужинъ. Пока Ужаховъ жарилъ курочекъ шашлыкомъ, я нѣсколько штукъ изжарилъ въ нашемъ котелкѣ, завернувъ ихъ предварительно въ сало, которымъ мы запаслись въ большомъ количествѣ въ Красноводскѣ. И тѣ, и другія были найдены чрезвычайно вкусными. Давно у насъ не было такой пирушки. А какъ хорошо спалось подъ звѣзднымъ небомъ! Непріятно было только когда дождикъ, начавшій моросить ночью, сталъ заливаться черезъ воротникъ за спину.

Кромѣ потниковъ, которые мы всегда складывали съ особенною заботливостью по снятіи съ лошади, во избѣжаніе ссадинъ и набивки спинъ, весь сѣдельный уборъ былъ мокрый, подпруги скользили изъ озябшихъ рукъ при сѣдловкѣ. Мы выступаемъ рано съ пустыми одноколками, отправленными обратно въ Самурское, подъ конвоемъ полусотни казаковъ. Одноколки эти наканунѣ привезли изъ передоваго отряда раненыхъ, отсылаемыхъ въ Бами. Съ ними прибылъ ординарецъ Скобелева, Абадзіевъ, Осетинъ беззавѣтной храбрости, раненый въ грудь и плечо, кажется при рекогносцировкѣ Геокъ-Теле 4 декабря. Транспортъ раненыхъ сопровождаютъ графиня М. и сестра С. Во время осады онѣ подавали примѣръ мужества и самозабвенія; раненые говорили о нихъ со слезами умиленія. Говорятъ, сестра С. была ранена вскользь пулей въ грудь и осталась при исполненіи своихъ обязанностей.

Я слышалъ что обѣ получили за храбрость медали на георгіевской лентѣ. Награда вполнѣ заслуженная.

День былъ жаркій, я ѣхалъ въ одномъ растегнутомъ мундирѣ и жалѣлъ что не имѣлъ съ собою кителя. Переходъ въ тридцать верстъ мы сдѣлали быстро, весело. Характеръ мѣстности все тотъ же; дорога идетъ полосой обнаруживающею слѣды осѣдлой жизни; по временамъ встрѣчаются кишлаки съ остатками садовъ; арыки пересѣкаютъ обработанныя поля; то тутъ, то тамъ виднѣются каменныя или глиняныя башеньки мельницъ. Справа тянется все тотъ же хребетъ горъ, къ которому мы подошли у Казанджика, и отъ котораго дорога до самаго Асхабада не удаляется болѣе пяти верстъ. А налѣво — безпредѣльные сыпучіе пески,

пустыня голода, жажды, смерти! Только Текинецъ на своей птицѣ-лошади рѣшается удаляться въ глубь песковъ, не придерживаясь караваннаго пути: напоивъ лошадь, онъ легко проходитъ 80—100 и болѣе верстъ до слѣдующаго колодца. Какая сила у этихъ коней, какую продолжительную скачку они могутъ выдержать, непостижимо для незнакомаго съ текинскими лошадьми.

Зато же и холитъ хозяинъ своего коня: кормитъ онъ его зерномъ съ руки нѣсколько разъ въ день; лошадь, стоящую зиму и лѣто подъ пятью-шестью попонами, онъ чиститъ только вѣничкомъ, но это онъ продѣлываетъ безпрестанно, и въ шерсти лошади вы не найдете и пылинки. Текинцы не снимаютъ сѣдла съ лошади иногда по цѣлымъ недѣлямъ, а набитыхъ или ссаженныхъ спинъ у нихъ не найдете. Лошадь, привыкшая постоянно стоять подъ нѣсколькими попонами, не чувствуетъ на себѣ легкаго азіятскаго сѣдла.

Въ Самурскомъ комендантъ оказался моимъ старымъ знакомымъ; онъ пріютилъ насъ въ хорошей юламейкѣ, рядомъ со своею кибиткой и разъ навсегда объявилъ что мы обѣдаемъ и ужинаемъ у него все время нашего пребыванія въ Самурскомъ. Я отправился въ лазаретъ навѣстить раненыхъ товарищей по гвардейской службѣ, графа Орлова-Денисова и князя Голицына. Первый былъ раненъ въ палецъ и бедро когда шелъ на штурмъ Геокъ-Тепе впереди баталіона Апшеронцевъ; второй, много разъ отличавшійся въ послѣднюю Турецкую кампанію и въ двухъ экспедиціяхъ къ Геокъ-Тепе, былъ раненъ въ руку выше локтя при штурмѣ Великокняжеской Калы. Командуя баталіономъ Ширванцевъ, онъ первый вошелъ въ Калу въ которой отчаянно защищались Текинцы и тутъ же былъ раненъ. Оба эти офицера, явившіеся въ отрядъ фазанами *, въ скоромъ времени пріобрѣли любовь и уваженіе всѣхъ. Между кавказскими войсками долго будутъ помнить двухъ героевъ, изъ коихъ одному не суждено было вернуться на родину.

Хотя Орловъ и Голицынъ сильно страдали отъ ранъ, но старшій врачъ отряда Гейфельдеръ, производившій имъ перевязку, нашелъ что онѣ не опасны; онъ даже назвалъ ихъ

* Фазанами въ Средней Азіи называютъ переводимыхъ или командируемыхъ изъ Петербурга гвардейцевъ, обыкновенно имѣющихъ связи и протекцію.

„контузіонными ранами“, потому что пули имъ найдены не были.

Изъ Самурскаго виденъ курганъ давшій названіе текинской твердынѣ: Геокъ-Гокъ, или Кукъ-курганъ, что̀ значитъ синій курганъ; вокругъ него воздвигнуты высокія и прочныя стѣны крѣпости. До Геокъ-Тепе всего одиннадцать верстъ. Густой, черный дымъ поднимается надъ курганомъ: это сожигаютъ тряпье и другой хламъ оставшійся въ кибиткахъ внутри крѣпостной стѣны.

Удивительно какъ Текинцы не овладѣли Самурскимъ укрѣпленіемъ, въ которомъ находились лазареты и большіе склады, охраняемые только сотней Оренбургскихъ казаковъ, ротой лѣхоты и двумя орудіями. Лагерь осаждающихъ находился по ту сторону Геокъ-Тепе и не скоро могъ подать помощь въ случаѣ нападенія. Каждый разъ какъ Текинцы дѣлали вылазку, они одновременно высылали свою конницу къ стѣнамъ Самурскаго, но та ограничивалась криками и малодѣйствительною стрѣльбой съ коней. Говорятъ, Текинцы очень храбры въ рукопашномъ бою пѣшкомъ, но будучи на коняхъ боятся огня нашей артиллеріи и берданокъ. Это объясняютъ страхомъ потерять лошадь которая составляетъ главное средство жизни этихъ степныхъ разбойниковъ. Текинцы каждый день джигитовали предъ Самурскимъ, и ни одна ночь не проходила безъ тревоги. Хотя и назначались дежурныя части на случай нападенія, но едва ли кто спалъ во время ночной тревоги. Каждый разъ какъ Текинцы дѣлали вылазки, генералъ Скобелевъ спрашивалъ геліограммой „благополучно ли въ Самурскомъ?“

Геліографъ, принесшій много пользы въ послѣднюю экспедицію, чрезвычайно простой конструкціи: на каждой станціи имѣется аппаратъ состоящій изъ зеркала которое измѣняетъ свое положеніе помощью рукоятки. Когда зеркало въ вертикальномъ состояніи—оно темно, когда же рукоятка приводится въ движеніе—зеркало становится подъ такимъ угломъ къ свѣтилу (солнце или луна) что лучи его отражаются по горизонтальной линіи на разстояніи до 25 верстъ и кажутся яркимъ, огненнымъ шаромъ. Удерживая въ такомъ положеніи зеркало или возвращая его обратно въ вертикальное, можно дать наблюдающему впечатлѣніе продолжительнаго свѣта или проблеска.

Въ первомъ случаѣ отмѣчается знакъ (—) вовторомъ (.). Сопоставленіе тѣхъ и другихъ составляетъ азбуку, цифры и отдѣльныя слова, на подобіе знаковъ употребляемыхъ при электрическомъ телеграфѣ.

23 января было такъ тепло что я могъ выкупаться въ арыкѣ. Орлову стало хуже, я подумалъ что онъ отходитъ, но къ полудню онъ опять оправился. Я предложилъ ему выпить шампанскаго, что подкрѣпило бы пришедшій въ совершенный упадокъ организмъ. Онъ согласился, и съ разрѣшенія врача я добылъ единственную бутылку имѣвшуюся у маркитанта. Орловъ съ удовольствіемъ выпилъ стаканъ вина, что очень его ободрило. Вспомнилось мнѣ какъ мы пивали съ нимъ это искристое вино при другой обстановкѣ.

Графъ Орловъ-Денисовъ, командовавшій Казачьимъ полкомъ, былъ назначенъ предъ штурмомъ Геокъ-Теле командующимъ того баталіона Апшеронскаго полка, который потерялъ свое знамя на вылазкѣ 4 января. Генералъ Скобелевъ давая ему это назначеніе сказалъ что ему выпадаетъ честь вернуть потерянное Апшеронцами знамя. Но не удалось ему это исполнить: онъ палъ сраженный двумя пулями прежде чѣмъ наши ворвались въ крѣпость. Знамя было взято обратно солдатомъ Ширванскаго полка у дюжаго Текинца который отдалъ трофей только лишившись жизни.

Ковры, серебряныя и золотыя украшенія найденныя въ кибиткахъ въ Денгли-Теле продавались солдатами и казаками за безцѣнокъ: коверъ во сто рублей отдавался за три, пудъ серебра за 15 рублей. Армяне и Персіяне часто пріобрѣтали ковры за шкаликъ водки. Они нагружали арбы награбленнымъ текинскимъ имуществомъ и отправляли для продажи въ Персію, до границы которой всего тридцать верстъ.

Въ Самурскомъ носились слухи что экспедиція не пришла еще къ концу, что рекогносцировочные отряды посылаются впередъ и въ стороны отъ Асхабада. Ожидался походъ къ Мерву, а можетъ-быть и къ Герату. Я счелъ нужнымъ не откладывая ѣхать въ Асхабадъ чтобы просить прикомандированія къ передовому отряду, въ случаѣ еслибы дѣйствительно предвидѣлось бы продолженіе военныхъ дѣйствій.

Тр. и С. проводили меня до Денгли-Теле, которое они хотѣли осмотрѣть подробно. Майоръ Б. разстался съ нами въ день прибытія въ Самурское; онъ вскорѣ получилъ назначеніе по гражданскому управленію краемъ.

Въ лагерѣ подъ Геокъ-Теле мы явились къ коменданту, полковнику А., одни для полученія пропуска въ крѣпость, я же для разрѣшенія ѣхать далѣе. Комендантъ нашелъ насъ почему-то подозрительными и допрашивалъ подробно. Къ счастію, свѣдѣнія данныя мною о моемъ родствѣ и мѣстѣ жительствѣ могли быть провѣрены полковникомъ, который бывалъ на моей родинѣ и слыхалъ мою фамилію; онъ убѣдился что я и мои товарищи не Англичане и не скрываемся подъ чужими паспортами. Ѣхать мнѣ предложено съ купцомъ Громовымъ, котораго лошадь и джигиты стояли предъ кибиткой коменданта въ ожиданіи пакетовъ для генерала Скобелева.

Громовъ, бывшій прикащикъ извѣстнаго въ Москвѣ и знаменитаго въ Туркестанѣ купца Хлудова, въ настоящее время ведетъ самъ дѣла на милліоны. Зная языкъ, нравы и обычаи всѣхъ племенъ Средней Азіи, онъ пускается въ обширныя торговыя сдѣлки, которыя не подъ силу были бы мало знакомому съ этимъ краемъ. Громовъ большаго роста, косая сажень въ плечахъ, рыжіе, коротко стриженые волосы, такая же рѣденькая бородка; маленькіе, но проницательные глаза придаютъ его наружности что-то особенное. Это безъ сомнѣнія человѣкъ не дюжинный. Про него разказываютъ много интереснаго. Сегодня у него милліонъ и самыя несбыточныя фантазіи ему ни по чемъ, завтра у него ни гроша въ карманѣ, но онъ не унываетъ зная что при смѣлости и предпріимчивости въ одинъ день можетъ вернуть потерянное. Главная причина удачи его во всѣхъ предпріятіяхъ, это громадный кредитъ которымъ онъ пользуется въ Средней Азіи благодаря строгому исполненію обычаевъ мѣстныхъ торговцевъ. Слово у нихъ имѣетъ больше значенія чѣмъ письменное обязательство. За храбрость и непомѣрную силу Громовъ пріобрѣлъ славу перваго джигита. Всѣ его знаютъ, боятся, и вѣрятъ слову болѣе чѣмъ векселямъ и распискамъ другихъ купцовъ. Генералъ Скобелевъ выписалъ его въ Закаспійскій край для доставленія верблюдовъ и исполненія различныхъ порученій по части интендантской. Интендантство не могло снабдить отрядъ верблюдами къ назначенному сроку, потому что не рѣшалось выдать задатковъ неизвѣстнымъ людямъ, которые въ свою очередь не довѣряли однимъ обѣщаніямъ. Громовъ же выдалъ на руки тѣмъ же лицамъ болѣе пяти тысячъ рублей, получивъ отъ нихъ только слово что

дѣло будетъ исполнено, и дѣйствительно условіе было исполнено въ точности съ обѣихъ сторонъ.

Громовъ сидѣлъ на замѣчательно красивой лошади, покрытой роскошною красною полоной; онъ только что добылъ ее изъ Персіи и думалъ уступить генералу Скобелеву еслибъ она тому понравилась. Свѣтло-сѣрый жеребецъ вершковъ пяти, при замѣчательной красотѣ формъ, обладалъ всѣми качествами генеральскаго коня: карьеръ и ходу верстъ девять въ часъ. Я насилу поспѣвалъ за нимъ проѣздомъ. Наслушавшись разказовъ о поразительныхъ ударахъ которые Громовъ наносилъ Текинцамъ при преслѣдованіи ихъ нашею кавалеріей 12 января, я просилъ его показать мнѣ оружіе которымъ онъ рубился. Хорошей стали афганскій клычъ зазубрился какъ лила о крѣпкія кости рослыхъ, могучихъ батырей.

Верстахъ въ пятнадцати мы нагнали транспортъ, который вскорѣ остановился для ночлега у высокой калы, на берегу арыка. Мы рѣшили провести ночь тутъ же. Стреноженнымъ лошадямъ подсыпали саману *, большіе запасы котораго нашли въ ямахъ нарочно устроенныхъ для склада фуража. Сами расположились за вѣтромъ подъ стѣной калы. Не успѣли мы заварить чай въ котелкѣ, какъ на Асхабадской дорогѣ показалось облако пыли, за которымъ мы вскорѣ узнали Осетинъ Скобелева, конвоирующихъ его адъютанта. Они остановились предъ только что разбитою юламейкой начальника транспорта. Узнавъ что Громовъ здѣсь, адъютантъ потребовалъ его къ себѣ и предложилъ ѣхать обратно въ Денгли-Теле для заключенія какого-то контракта. Громовъ уѣхалъ, а я остался одинъ на выбранномъ нами мѣстѣ для ночлега. Транспортъ расположился бивуакомъ немного далѣе у арыка. Со мною былъ кусокъ сыру, два, три чурека и четверть бутылки коньяку. Этого хотя и достаточно чтобъ утолить голодъ, но при видѣ зажженныхъ костровъ и пара изъ подвѣшенныхъ надъ огнемъ котелковъ, захотѣлось и мнѣ поѣсть чего-нибудь теплаго. Дождь сталъ моросить, сырость прохватывала кругомъ, а коньякъ я берегъ на случай крайней необходимости. Пошелъ я на фуражировку къ пѣхотнымъ солдатикамъ, и мнѣ удалось добыть немного баранины и соли; въ мѣдномъ чайникѣ, неразлучномъ

* Рѣзка соломы.

товарищѣ, я сварилъ супъ, который у Дюссо и Бореля ложалуй и не понравился бы, но мнѣ показался очень вкуснымъ. Стало темнѣть, а дождь все усиливался; съ наступленіемъ вечера стало холоднѣе, пришлось прибѣгать къ коньяку. Спать надо, усталъ за день, а лечь-то некуда — вездѣ вода. Наконецъ я выбралъ мѣстечко подъ самою стѣной. гдѣ казалось почти сухо. Положивъ сѣдло въ изголовье, я завернулся въ бурку и башлыкъ, и легъ. Я погрузился въ густую грязь, было мягко и пріятно: но вдругъ вода съ краю бурки влилась внутрь. Признаюсь, скверно было когда холодная вода стала проникать сквозь сукно по всему уже и безъ того продрогшему тѣлу. Я хотѣлъ встать и идти на поиски другаго мѣста, но вспомнилъ что кругомъ стояли лужи, нигдѣ не найдешь и сухаго вершка. Дождь уже лилъ какъ изъ ведра, я остался. Къ довершенію горя, башлыкъ скоро промокъ, и я весь былъ облѣпленъ мокрымъ бѣльемъ и платьемъ. Правду говорятъ что нѣтъ такого дурнаго положенія къ которому нельзя было бы привыкнуть: вода въ которой я лежалъ начала нагрѣваться отъ тѣла; коньякъ поддерживалъ внутреннюю теплоту. Усталость взяла свое, и я впалъ въ какое-то безчувственное состояніе, схожее съ опьянѣніемъ отъ гашиша, испытаннымъ мною разъ въ Сиріи. Долго я маялся подъ звуки дождя барабанившаго по буркѣ. Казалось, конца этой ночи не будетъ, но вотъ я сталъ различать стоявшую около меня лошадь, значитъ скоро будетъ свѣтать. Я всталъ, поилъ лошадь къ арыку на водопой, а затѣмъ подвѣсилъ ей торбу съ ячменемъ. Потникъ лежалъ около меня завернутый въ бурку, но какъ я его ни берегъ, а все же и онъ подмокъ; однако нечего было дѣлать, пришлось сѣдлать. Обтеръ я полой мокрой бурки спину лошади и взвалилъ сѣдло, но подтянуть подпругъ долго не могъ: отъ холода пальцы у меня не дѣйствовали, а мокрыя подпруги выскальзывали изъ рукъ. Наконецъ все у меня готово; я вылилъ воду изъ салогъ, сѣлъ на коня и ориентировавшись по пройденному за вчерашній день пути, выѣхалъ въ сторону Асхабада. Мнѣ говорилъ Громовъ что дорога идетъ прямо, верстахъ въ пяти, влѣво отъ горъ; на нихъ-то я и разчитывалъ чтобы не заблудиться.

Начало свѣтать когда я выѣхалъ изъ кишлака у котораго ночевалъ. Въ травѣ замѣтны были слѣды орудійнаго хода, но вскорѣ слѣды эти исчезли, и я продолжалъ путь на авось,

придерживаясь первоначально взятаго направленія. Вдали показались постройки среди садовъ; судя по пройденному времени, это долженъ быть кишлакъ обозначенный на моей картѣ по Асхабадской дорогѣ; значитъ я ѣхалъ вѣрно.

Дождь продолжаетъ идти, я продрогъ до костей, а коньякъ за ночь весь вышелъ, нечѣмъ согрѣться. Пробовалъ пройтись пѣшкомъ, но въ намокшемъ платьѣ, въ сапогахъ на половину наполненныхъ водой, ступать по вязкой грязи оказалось крайне неудобно. До Асхабада должно-быть оставалось верстъ тридцать пять; всего же считаютъ отъ Денгли-Теле шестьдесятъ верстъ.

Подъѣзжая къ кишлаку я увидѣлъ выѣзжавшихъ изъ него двухъ Текинцевъ вооруженныхъ. Признаюсь, это меня немного смутило: я не зналъ ѣдутъ ли они въ Денгли-Теле сдавать оружіе, какъ это дѣлали многіе, или это немирные Текинцы желающіе воспользоваться представляющеюся добычей. Впрочемъ, и въ первомъ случаѣ, для нихъ все же былъ большой соблазнъ безнаказанно убить гяура; вѣдь это считается у нихъ добродѣтельнымъ поступкомъ дающимъ право на входъ въ Магометовъ рай. Продолжая тѣмъ же шагомъ подаваться впередъ, я обдумывалъ какъ поступить. Непріятно было сомнѣніе: знай я что предо мною непріятель, я могъ бы ссадить ихъ съ коней изъ магазинки прежде чѣмъ они бы до меня доскакали; но въ данномъ случаѣ мнѣ не слѣдовало обнаруживать сомнѣнія въ ихъ миролюбіи чтобы не возбудить естественнаго стремленія противодѣйствовать угрожающимъ намѣреніямъ, въ особенности у людей разбойничьи инстинкты коихъ должны непремѣнно проявиться при видѣ одинокаго врага среди пустынной степи. Магазинка у меня за спиной, въ чахлѣ, а потому и думать нечего было ею воспользоваться. Растегнулъ я луговицу револьверной чушки, пододвинулъ впередъ шашку и рѣшился дешево жизни не отдавать. Шагахъ во ста Текинцы остановились, какъ будто обсуждая что имъ дѣлать; видя однако что я не готовлюсь ко враждебной встрѣчѣ, они двинулись впередъ. Когда мы разъѣзжались, Текинцы приложили ладони правыхъ рукъ къ лапахамъ—поклонъ въ Средней Азіи, я отвѣтилъ тѣмъ же. Позади меня они опять остановились, но я не оборачивался чтобы не показать недовѣрія, хотя на сердцѣ у меня было далеко не спокойно: а ну какъ они выстрѣлятъ мнѣ въ спину, подумалъ я. Однако я доѣхалъ до кишлака благопо-

лучно, Текинцы же еще долго стояли на мѣстѣ о чемъ-то толкуя.

Проѣзжая по узкимъ улицамъ, образуемымъ глиняными стѣнками огородовъ и фруктовыхъ садовъ, преимущественно тутовыхъ, я встрѣчалъ оборванныхъ Текинцевъ-стариковъ, женщинъ и дѣтей роющихся въ разномъ хламѣ вывалennомъ изъ саклей или кибитокъ. Они прятались какъ звѣри при моемъ появленіи, а если не успѣвали скрыться, то опускали повинно головы, бросая изъ подлобья злобные взгляды въ мою сторону.

Чрезъ каждыя шесть, восемь верстъ встрѣчались кишлаки, всѣ на одинъ образецъ: каменная или глиняная кала, три, четыре сакли съ плоскими крышами, сады и бакши огороженныя низенькими стѣнками. На пути я встрѣчалъ еще группы вооруженныхъ Текинцевъ по пяти, по десяти человѣкъ, и каждый разъ повторялась описанная выше сцена: они останавливались, о чемъ-то сговаривались, потомъ опять пускались въ путь, прикладывая руку къ папахѣ. Послѣ второй, благополучно прошедшей встрѣчи, у меня нервы притупились, и я потомъ уже равнодушно смотрѣлъ на приближеніе вчерашнихъ нашихъ враговъ. Между тѣмъ, въ послѣдствіи оказалось что опасность дѣйствительно существовала: черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія изъ Асхабада, одинъ переводчикъ и два джигита были схвачены Текинцами и отправлены въ Мервъ, гдѣ много мѣсяцевъ томились въ плѣну.

Одну минуту я не зналъ куда ѣхать: холмы которые должны были оставаться вправѣ исчезли въ туманѣ: впереди и влѣво виднѣлась только равнина со скудно растущею кое-гдѣ травкой; солнце на пасмурномъ небѣ какъ будто и не подымалось надъ горизонтомъ въ этотъ печальный день. Ни одного слѣда, рѣшительно не по чемъ ориентироваться. Оглянулся я назадъ: на горизонтѣ виднѣлось одинокое дерево стоявшее на краю кишлака который я недавно миновалъ. Прикинувъ на глазъ продолженіе пройденнаго мною пути, я рѣшилъ слѣдовать по немъ. Наконецъ, послѣ часу тяжелаго сомнѣнія въ вѣрности избраннаго мною направленія, я увидѣлъ немного въ сторонѣ сады обличавшіе присутствіе кишлака, и свернулъ туда. У въѣзда въ кишлакъ встрѣтилъ я арбу сопровождаемую Персіяниномъ, и на вопросъ гдѣ Асхабадъ, узналъ что нахожусь уже на мѣстѣ. Нашъ отрядъ стоялъ

на бивуакѣ за садами на западной сторонѣ у высокой калы.

Я отправился къ коменданту. Сидѣвшіе у него саперы предложили помѣстить меня въ своей юламейкѣ; я съ радостью согласился, и тотчасъ приступилъ къ переодѣванію чтобъ явиться къ генералу Скобелеву. Несмотря на долгое пребываніе въ куржумахъ болтавшихся за моимъ сѣдломъ и подвергавшихся всѣмъ случайностямъ продолжительнаго странствованія, новый мундиръ, сапоги, офицерскія вещи, бѣлье и даже крахмаленая рубашка оказались безъ одной складки: такъ искусно все было уложено.

Дождь не переставалъ лить. Перестулая и перепрыгивая черезъ лужи жидкой грязи, я добрелъ до ряда юламеекъ въ которыхъ обрѣтался штабъ генерала Скобелева; насупротивъ, за глиняною стѣной стояла одинокая кибитка покрытая сверху ковромъ; у входа часовые, щеголевато одѣтые несмотря на дождь. Тутъ же ожидаютъ приказаній Осетинъ изъ конвоя генерала Скобелева и камердинеръ въ ливрейной фуражкѣ съ широкимъ галуннымъ околышемъ. Значекъ въ чахлѣ воткнутъ у входа въ кибитку. Это жилище командующаго войсками.

Ординарецъ, маленькій артиллерійскій подпоручикъ, съ лядункой и шашкой поверхъ пальто, безпрестанно забѣгаетъ въ кибитку съ разными докладами;—онъ дежурный, я къ нему и обратился. Мнѣ отвѣтили что генералъ еще не вставалъ и начнетъ принимать лишь по прочтеніи полученныхъ недавно газетъ. Генералу Скобелеву, не досыпавшему ни одну ночь во время осады Геокъ-Теле, позволительно понѣжиться немного послѣ блестящаго окончанія кампаніи. Въ ожиданіи пріема, я зашелъ въ юламейку ординарцевъ. Наконецъ меня позвали. Михаилъ Дмитріевичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, въ шведской курткѣ съ нашитыми погонами. Послѣ перваго привѣтствія, онъ обратился опять къ бумагѣ которую дописывалъ, а я воспользовался этимъ чтобъ оглядѣть внутренность его помѣщенія. Тендюкъ * былъ закрытъ. Кибитка освѣщалась только свѣчами подъ абажурами. Полъ и стѣны убраны туркменскими коврами; на большомъ письменномъ столѣ стояли подсвѣчники и массивныя письменныя принадлежности изъ бронзы лежали

* Верхъ кибитки который открывается для свѣта и пропуска дыма.

русскія и иностранныя газеты, карты и кипа бумагъ. Наконецъ генералъ положилъ перо, поднялъ на меня глаза и спросилъ довольно жестко, съ какою цѣлью я пріѣхалъ въ отрядъ. Я сказалъ что пріѣхалъ съ дальняго Запада исключительно для того чтобъ еще разъ ломѣряться со врагомъ, что, олоздавъ сравнительно на недалекомъ разстояніи отъ Геокъ-Теле, я хотѣлъ все-таки посѣтить эту знаменитую крѣпость, осмотрѣть ходъ нашихъ осадныхъ работъ и прослѣдить на мѣстѣ, по разказамъ происшедшія тамъ событія, что вмѣстѣ съ тѣмъ я считалъ своимъ долгомъ явиться командующему войсками какъ начальнику края.

На вопросъ имѣю ли я какія-нибудь порученія изъ Главнаго Штаба или Военнаго Министерства, я отвѣчалъ что прибылъ какъ частное лицо, имѣя съ собою только заграничный паспортъ.

Повидимому, первое впечатлѣніе смѣнилось лучшимъ, и генералъ, смягчивъ тонъ, перешелъ къ разспросамъ о томъ что говорятъ и пишутъ за границей про экспедицію. Это мнѣ дало возможность затронуть потомъ нѣсколько вопросовъ очень меня интересовавшихъ относительно военныхъ операцій въ Закаспійскомъ краѣ. Михаилъ Дмитріевичъ отвѣчалъ охотно, увлекаясь все болѣе и болѣе при воспоминаніи о славныхъ эпизодахъ этой героической кампаніи.

Генералъ Скобелевъ любезно предложилъ мнѣ провести нѣсколько дней при отрядѣ. Я благодарилъ, но передалъ что такъ какъ мой отпускъ приходитъ къ концу, то я вынужденъ отказаться отъ лестнаго для меня предложенія. Пренебрегать же послѣдствіями просрочки, я рѣшился бы только въ томъ случаѣ еслибы предвидѣлось продолженіе военныхъ дѣйствій или еслибы генералу угодно было приказать мнѣ остаться. На этомъ разговоръ прекратился.

Я былъ страшно голоденъ, купить нигдѣ ничего нельзя, просить мнѣ не хотѣлось; я ожидалъ что кто-нибудь изъ моихъ новыхъ знаковыхъ предложитъ мнѣ обѣдать. Штабъ, несмотря на сравнительное обиліе припасовъ, не выказалъ однако гостепріимства. Это впрочемъ отличительная черта всѣхъ штабныхъ: гдѣ голодный строевой офицеръ дѣлитъ съ гостемъ послѣднюю чашку чая, послѣдній сухарь, штабные забываютъ предложить не только постороннему, но даже и бывшему товарищу то что въ походѣ нужнѣе

всего — пріютъ и чего-нибудь поѣсть. Часто приходилось мнѣ испытать это въ прошлую Турецкую кампанію; исключенія рѣдки. Я побрелъ назадъ къ саперамъ. Они накормили меня и предложили мѣсто въ тѣсной юламейкѣ.

Прошла ночь; дождь лилъ безпрерывно; кибитки и юламейки стояли въ сплошной лужѣ. Тоска невыносимая, никакихъ надеждъ на движеніе впередъ. Несмотря на радушіе любезныхъ саперовъ я чувствовалъ что ихъ стѣсняю. Все это вмѣстѣ взятое влекло меня назадъ въ благоустроенный край.

Я пошелъ откланяться командующему войсками, но послѣ продолжительнаго разговора, генералъ предложилъ мнѣ остаться до завтра чтобы вмѣстѣ ѣхать до Бами, куда его вызывалъ только что прибывшій и заболѣвшій начальникъ штаба кавказскихъ войскъ для переговоровъ о дальнѣйшемъ дѣйствіи отряда подчиненнаго намѣстнику Кавказскому. Отказаться было невозможно.

Михаилъ Дмитріевичъ обворожителенъ. Разговоръ его испещренъ самыми неожиданными выводами; въ немъ проглядываетъ замѣчательная наблюдательность соединенная съ вѣрностью оцѣнки людей и явленій жизни. Военный, изъ разговора со Скобелевымъ, выносилъ всегда поучительныя указанія на встрѣчающіяся въ бою разнообразныя случайности. Несмотря на многотрудныя занятія сопряженныя съ постомъ командующаго дѣйствующими войсками, генералъ Скобелевъ находилъ возможность слѣдить за ходомъ событій какъ въ Россіи, такъ и въ западныхъ державахъ. Въ Асхабадѣ онъ былъ такъ же хорошо извѣщенъ о всемъ что дѣлается въ политическомъ мірѣ какъ еслибы находился въ одной изъ первоклассныхъ столицъ. Онъ считалъ что не въ далекомъ будущемъ неминуема война съ Австріей; для того же чтобъ обратить всѣ свои силы на Западъ, нужно покончить съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, гдѣ Англія стремится изгнать насъ изъ-за Каспія, находя опаснымъ наше приближеніе къ ея владѣніямъ въ Индіи. Этого можно достигнуть только занятіемъ Герата, которое обезпечивало бы за нами всѣ вновь пріобрѣтенныя и прежнія владѣнія въ Средней Азіи. Цѣлью экспедиціи былъ очевидно Гератъ; но хотя уже израсходовано четырнадцать милліоновъ для достиженія этой цѣли потребно будетъ еще вдвое болѣе.

Въ Асхабадъ являлись депутаціи отъ Салоровъ и Сарыковъ, желавшихъ принять подданство Россіи и при ея поддержкѣ снова занять Мервъ, изъ котораго они были вытѣснены Текинцами. Они теперь населяютъ мѣстность около Герата.

Тыкма-Сердаръ, главнокомандующій Текинцевъ или, какъ онъ самъ себя величаетъ, проводникъ всѣхъ аламановъ, * явился съ повинною. Генералъ Скобелевъ сказалъ ему что въ виду его чистосердечнаго раскаянія и обѣщанія преданности, онъ будетъ просить Государя о помилованіи. Текинцы являются толпами, сдаютъ оружіе, и затѣмъ особо назначенная коммиссія отводитъ имъ для поселенія прежніе ихъ участки. Однако Асхабадъ, гдѣ всего семь баталіоновъ и лять казачьихъ сотенъ, укрѣпляется: на западъ отъ калы, въ сторону Мерва, построено два люнета.

Если Скобелевъ достигъ полнаго умиротворенія края, то это только тою кровавою баней ** которую онъ задалъ Текинцамъ 12 января. При мнѣ жандармскій офицеръ докладывалъ что въ Геокъ-Тепе и внѣ крѣпости схоронено шесть тысячъ тѣлъ и осталось еще столько же.

Сотни верблюжьихъ труповъ указываютъ, какъ маяки, путь слѣдованія транспортовъ. Я спросилъ Михаила Дмитріевича не отъ того ли такъ много пало верблюдовъ что требовали отъ нихъ непосильной работы; на это онъ возразилъ что верблюды приведенные изъ Оренбурга и купленные въ казну несли по шести пудовъ груза и пропадали относительно въ такомъ же количествѣ какъ и верблюды Громова, которые несли по восемнадцати пудовъ. Итакъ, еслибы верблюдовъ болѣе форсировали, то могло быть доставлено втрое больше грузу при одинаковой потерѣ въ верблюдахъ: запасъ артиллерійскихъ и другихъ припасовъ былъ доставленъ на три мѣсяца, при Громовской же системѣ имѣлось бы запасу на девять мѣсяцевъ.

IV.

27 января, узнавъ что Михаилъ Дмитріевичъ отложилъ поѣздку въ Бами на неопредѣленное время, я рѣшилъ ѣхать назадъ не дожидаясь довольно поздняго часа пріема, такъ

* Аламаны—разбойники.

** Собственное выраженіе г. Скобелева.

какъ мнѣ нужно было къ вечеру послѣть въ Денгли-Тепе, а если можно и въ Самурское. Я объяснилъ адъютанту для передачи генералу Скобелеву причину моего ранняго выѣзда и просилъ извиненія что лично не могъ откланяться. Распростился съ ординарцами и моими любезными хозяевами-салерами и въ 11 часовъ утра выѣхалъ въ обратный путь.

Дорога убійственная; проѣздъ по углубленнымъ улицамъ кишлаковъ, въ размокшей глинѣ, а иногда и по брюхо въ водѣ, чрезвычайно затруднителенъ; лошадь вязнетъ или разъѣзжается ногами по липкому, скользкому грунту. Желая скоротать путь, я свернулъ влѣво отъ дороги и попалъ въ какой-то кишлакъ совершенно затопленный водой, изъ котораго насилу выбрался. Въ немъ я замѣтилъ много жителей складывавшихъ свой скарбъ на арбы; у мущинъ за спинами были мультуки (фитильныя ружья). Они провожали меня не очень дружелюбными взорами.

Въ половинѣ шестаго я былъ уже въ Денгли-Тепе, проѣхавъ все время ходой и рысью. Предполагая на слѣдующій день ѣхать назадъ въ Россію, я хотѣлъ воспользоваться послѣднимъ часомъ свѣта чтобъ осмотрѣть крѣпость которая намъ стоила такихъ громадныхъ жертвъ.

Комендантъ Денгли-Теле Верещагинъ, братъ знаменитаго художника, передалъ мнѣ что графъ Орловъ-Денисовъ умеръ въ тотъ день утромъ отъ зараженія крови. Сравнительно легкая рана не привела бы къ такому печальному исходу еслибы пуля, найденная прибывшимъ одновременно со мною въ Самурскѣ молодымъ хирургомъ, была извлечена въ первые дни послѣ раненія. У князя Голицына тоже оказалась пуля и расщепленіе кости руки. Можетъ-быть и онъ не вернулся бы на родину еслибы не прибылъ вовремя хирургъ вытребованный графиней Милютиной. Жалко мнѣ было стараго товарища погибшаго вдали отъ родныхъ и близкихъ. Тяжелы были его послѣднія минуты; много горькихъ думъ онъ передумалъ, много выстрадалъ!

Верещагинъ, съ которымъ я впервые познакомился въ Букурештѣ, въ Бранкованскомъ госпиталѣ гдѣ мы лежали, раненые оба въ памятный день 30 августа, предложилъ руководить меня въ подробномъ осмотрѣ крѣпости. Мы прошли сперва на мѣсто взрыва; изъ-за осыпавшейся земли и камня торчали головы, руки, ноги убитыхъ или засыпанныхъ при взрывѣ храбрыхъ защитниковъ. Между ними было много

женщинъ; особенно памятна мнѣ одна голова съ распущенными волосами; внезапная смерть не успѣла измѣнить выраженіе отваги на красивомъ лицѣ.

Взглянувъ сверху стѣны на аппроши, я не могъ понять какъ въ нихъ укрывались производившіе салныя работы: аппроши такъ близки отъ стѣны что съ гребня видна ихъ внутренность. Осмотрѣли мы и артиллерійскую брешь, которую штурмовалъ полковникъ Козелковъ, въ то время когда полковникъ Куролаткинъ бросился во главѣ своей колонны на мѣсто взрыва, а полковникъ Гайдаровъ штурмовалъ сѣверо-восточный исходящій уголъ крѣпости. Велика заслуга минеровъ которые такъ искусно подвели мину подъ стѣну крѣпости и взрывомъ навели панику на ея защитниковъ. Неизвѣстно каковъ былъ бы результатъ штурма еслибы взрывъ не удался. Генералъ Скобелевъ не былъ увѣренъ въ непремѣнномъ и полномъ успѣхѣ боя. Онъ разчитывалъ въ первый день овладѣть только сѣвернымъ фасомъ и громить артиллеріей кибитки, многія изъ коихъ, засыпанныя пескомъ, составляли какъ бы траверзы. Кавалерія оставалась въ резервѣ, а не на луги отступленія непріятеля, какъ это было у Ломакина, когда князь Долгорукій повелъ на штурмъ свой авангардъ, не подготовивъ успѣхъ артиллерійскимъ огнемъ. Когда донесли генералу Скобелеву что Текинцы толпами хлынули изъ южныхъ воротъ и бѣгутъ по направленію другой калы стоявшей невдалекѣ, онъ самъ перевелъ туда артиллерію и бросилъ кавалерію въ атаку. На ея долю выпало довершить пораженіе, изрубивъ тысячи Текинцевъ.

Длина крѣпости такъ велика что часовой стоящій на противоположной стѣнѣ едва замѣтенъ. Около кибитки коменданта стояла пушка, привязанная толстыми веревками къ большой колодѣ. Это единственное орудіе бывшее у Текинцевъ; на немъ имѣлось клеймо Остъ-Индской Компаніи. Стрѣляли Текинцы изъ этой пушки каменными ядрами. Разказываютъ что какъ-то разъ такое ядро попало въ великокняжескую калу, оттуда рикошетировало въ бокъ къ охотничьей калѣ и вторымъ рикошетомъ полетѣло обратно въ Денгли-Тепе. Наши солдатики глядя на этотъ рѣдкій случай говорили: „ишь ловкій какой, норовитъ нашего брата ломять, а потомъ и ядро воротить; вѣрно дороги у нихъ эти снаряды.“

Въ стоявшей рядомъ кибиткѣ свалены были мультуки и клынчи * изъ плохаго желѣза, но хорошо отточенные. Отбитыя у насъ, при вылазкахъ, берданки были передѣланы Текинцами на азіятскій манеръ, то-есть украшены серебромъ, а приклады обстроганы и округлены. Женщины были большею частію вооружены привязанными къ древкамъ ножницами для стрижки овецъ. Верещагинъ мнѣ предложилъ выбрать мультукъ и клынчъ; я долго рылся, но не нашелъ ни одного порядочнаго клинка, а ихъ тутъ было нѣсколько сотенъ.

Было совсѣмъ темно когда я подъѣзжалъ къ Самурскому. Я насвистывалъ казачьи пѣсни чтобы часовой или секретъ не подстрѣлилъ меня принявъ за Текинца. Но вотъ раздался обычный окликъ, я отвѣтилъ „казакъ“ и въѣхалъ въ укрѣпленіе. Въ нашей юламейкѣ С. и одинъ казацкій офицеръ пересматривали и приводили въ порядокъ бумаги и оставшіяся по смерти Орлова вещи. Тр. уѣхалъ въ Денгли-Тепе чтобы достать жестяныхъ патронныхъ коробокъ, изъ которыхъ думали сколотить покрышку для гроба. Чтобы поспѣть въ срокъ изъ отпуска, мнѣ слѣдовало попасть на пароходъ отходящій 6 февраля изъ Красноводска. Мѣшкать было нечего; я на другой день простился съ тѣломъ покойнаго Орлова, пожелалъ скораго выздоровленія князю Голицыну и выѣхалъ изъ Самурскаго. С. и Тр. остались для отданія послѣдняго долга тѣлу графа Орлова-Денисова.

Взошла луна; при ея неясномъ свѣтѣ я часто принималъ отдѣльныя деревья и глыбы камня за мечеть Дуруна. Наконецъ показалось ясное очертаніе бѣлой постройки; я подъѣхалъ ближе и увидѣлъ калу которой не встрѣчалъ прежде: значитъ заблудился. Кругомъ безмолвіе, ни души. Мнѣ казалось что я такъ давно ѣду что могъ бы быть уже въ Дурунѣ. Оставалось только прибѣгнуть къ смышлености моего коня: я бросилъ поводья. Хотя мнѣ и казалось что лошадь совсѣмъ не туда идетъ куда нужно, я не сопротивлялся, такъ какъ зналъ что во всякомъ случаѣ она привезетъ меня къ жилью. Проѣхалъ я около часу и сталъ подумывать не заночевать ли тутъ, стреноживъ коня, но вдругъ мелькнулъ впереди огонекъ, за нимъ другой, третій, и минутъ черезъ десять я

* Шашки.

въѣхалъ въ Дурунъ, гдѣ комендантъ накормилъ меня и отдалъ въ мое распоряженіе свободную юламейку.

На слѣдующій день, довольно рано, я прибылъ въ Арчманъ. День былъ очень жаркій, а ночью горячею струей задулъ вѣтеръ съ горъ.

30 января я въѣхалъ въ Бами тріумфальными воротами приготовленными для встрѣчи генерала Скобелева. На трансларантѣ украшенномъ вѣнками и флюгерами написано было: „*ура!* побѣдителю Ахалъ-Теке, *ура!*“.

Жара стояла лѣтняя; я ѣхалъ въ одной рубашкѣ, второчивъ мундиръ и пальто къ сѣдлу.

Когда я явился къ коменданту въ Бами, онъ мнѣ объявилъ что имъ только что получено отъ генерала Скобелева предписаніе задержать меня до его прибытія. Съ безропотностью фаталиста, я покорился судьбѣ. Я нашелъ здѣсь товарища по Пажескому Корпусу подполковника Кузьмина-Караваева, только что вернувшагося изъ миссіи въ Персію. Мы поселились вмѣстѣ въ предложенной намъ комендантомъ юламейкѣ. Вещи наши, переданныя въ Балла-Ишемѣ юнкеру Безобразову, прибыли благополучно въ Бами. Я выбралъ что было нужно, а лишнее раздалъ Оренбургскимъ казакамъ. Прибывшій ординарецъ генерала Скобелева сообщилъ что генералъ меня оставляетъ въ отрядѣ, а потому и велѣлъ задержать.

Вечеромъ налетѣвшій внезапно шквалъ опрокинулъ нѣсколько юламеекъ, несмотря на тяжелые камни подвѣшенные къ теньдюкамъ. Свою юламейку я отстоялъ, придерживая съ навѣтряной стороны веревкой.

Генерала Скобелева ожидали въ тотъ день, но онъ не прибылъ. Ординарецъ хорунжій Д. очень печалился что приготовленный для генерала и его свиты ужинъ пропадетъ даромъ. Мы выручили его изъ бѣды, предложивъ съѣсть ужинъ, что и было исполнено.

На другой день я былъ приглашенъ обѣдать къ уполномоченному Краснаго Креста князю Шаховскому. Симпатичный вообще, онъ мнѣ сдѣлался еще милѣе когда я узналъ что онъ распушилъ одного изъ представителей военно-врачебной части за вмѣшательство въ дѣла и распоряженія Краснаго Креста, который одинъ работалъ впереди, имѣлъ хорошихъ врачей и средства, тогда какъ военно-врачебная часть при отрядѣ была въ печальномъ состояніи. Кибитка князя Шаховскаго убрана

была коврами и тахтами, нѣсколько тигровыхъ шкуръ лежали на землѣ. Обстановка сравнительно роскошная, да и мѣсто въ которомъ помѣщалась кибитка, было какъ бы terrain réservé: дворъ съ десяткомъ деревьевъ, огороженный стѣной; арыкъ протекаетъ посрединѣ, образуя въ одномъ мѣстѣ прудокъ въ которомъ можно купаться. Кибитку-спальню и пріемную соединяетъ съ кибиткой-столовой крытый камышомъ ходъ.

Вечеромъ мы любовались чудною картиной грозы въ горахъ: черныя тучи, безпрестанно освѣщаемыя пересѣкающимися молніями, спускались въ долины, поднимались, пресмыкаясь по гребнямъ горъ и охватывали вершины чтобъ опять спускаться въ глубокія ущелья и разостлаться по ихъ развѣтвленіямъ. Во время грозы играла музыка Ставропольскаго полка; особенный эффектъ производилъ маршъ подъ звуки котораго наши доблестныя войска шли на штурмъ Геокъ-Тепе. Отдаленные раскаты грома помогали воображенію вызвать впечатлѣніе боя. При штурмѣ музыканты, добѣжавъ не безъ потерь до крѣпости, остановились и, прижимаясь къ стѣнѣ въ мертвомъ пространствѣ, продолжали усердно играть. Говорятъ что музыка, во время осады и штурма, много содѣйствовала поддержанію духа въ войскахъ.

На горизонтѣ показалось движеніе колонны. Думали что это генералъ Скобелевъ. Орудія передовой батареи дали три сигнальные выстрѣла для предупрежденія гарнизона. Всѣ выбѣжали къ тріумфальнымъ воротамъ, выстроились, но тревога оказалась ложною: то былъ транспортъ раненыхъ изъ Арчмана. И мы опять съѣли ужинъ приготовленный для генерала Скобелева заботливымъ ординарцемъ.

3 февраля за полдень прискакали джигиты съ извѣстіемъ что генералъ Скобелевъ ѣдетъ. Войска, съ офицерами при своихъ частяхъ, построились шпалерами впереди тріумфальныхъ воротъ; музыка стала на правомъ флангѣ. Грянули лушечные выстрѣлы, и чрезъ нѣсколько минутъ поднялись изъ-за пригорка генералъ со свитой и конвоемъ Осетинъ. Большой значокъ развѣвался впереди развернутой части. У батареи генералъ Скобелевъ слѣзъ съ лошади, принялъ хлѣбъ-соль Армянъ-маркитантовъ и торговцевъ слѣдовавшихъ за отрядомъ; поздоровавшись съ людьми и офицерами, онъ прошелъ къ генералу Павлову, который встрѣтилъ его у своей кибитки.

Ежедневно собираются въ нашей юламейкѣ ординарцы, устраиваются хоры; залѣвало у насъ пріѣзжій московскій адъютантъ, особенно мастерски подражающій Цыганамъ. „Англійскій клубъ“ (такъ названъ нашъ кружокъ) разъ удостоилъ посѣщенія Михаилъ Дмитріевичъ. Въ веселой, дружеской компаніи я ожидаю терпѣливо какое генералу Скобелеву угодно будетъ дать мнѣ назначеніе. 4го пріѣзжаютъ С. и Тр. и останавливаются у Безобразова; они удивлены заставъ меня еще въ Бами.

Здѣсь я познакомился съ индійскимъ принцемъ Рамчардеромъ, присланнымъ въ отрядъ нашимъ военнымъ министерствомъ, отъ котораго онъ получалъ содержаніе. Онъ изъѣздилъ всю Европу и Азію предлагая разнымъ правительствамъ свои услуги и такимъ образомъ, обладая удивительною памятью и способностью изучать языки, онъ усвоилъ всѣ азіятскія нарѣчія, говорилъ по-арабски и на семи европейскихъ языкахъ. Онъ много читалъ и въ особенности хорошо знакомъ съ исторіей и потребностями своей родины. Рамчардеръ, сынъ вліятельнаго магараджи, считаетъ себя однимъ изъ претендентовъ на Индійскій престолъ. Сбыточны ли мечты Рамчардера я не знаю, но несомнѣнно что знаніемъ мѣстности и языковъ всѣхъ азіятскихъ племенъ онъ можетъ принести отряду не мало пользы; однако генералъ Скобелевъ почему-то далѣе Бами его не пускаетъ.

Михаилъ Дмитріевичъ потребовалъ меня къ себѣ 5го числа и сказалъ что желалъ меня взять къ себѣ въ распоряженіе, такъ какъ считалъ экспедицію еще не оконченною, но только что полученная телеграмма изъ Петербурга извѣщала его что далѣе занятыхъ нами конечныхъ пунктовъ мы идти не должны, а командованіе войсками и управленіе краемъ приметъ генералъ Рёрбергъ. Мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать въ Закаспійскомъ краѣ, и я просилъ у Михаила Дмитріевича разрѣшенія выѣхать завтра обратно въ Россію. Онъ мнѣ далъ слово что въ случаѣ войны вытребуетъ меня въ часть которою будетъ командовать.

Тр. и С. выѣзжаютъ со мною въ одинъ день, но мы идемъ разными дорогами: они возвращаются стелью по старому пути, а я сворачиваю въ горы на Атрекскую линію, по которой хотѣлъ пройти до Хаджанъ-Калы, а оттуда выѣхать опять на Михайловскую дорогу у Кизилъ-Арвата. Я не

хотѣлъ разстаться съ Закаспійскимъ краемъ не побывавъ въ гористой его части, куда манили меня еще невиданныя фауна и флора. Двухъ купленныхъ мною въ Геокъ-Тепе тазовъ * я поручаю Ужахову, который слѣдуетъ съ моими товарищами; ишакъ и общія вещи идутъ съ ними также; у меня на сѣдлѣ только мои куржумы и бурка.

Я подымаюсь на живописный Бендесенскій перевалъ. Извилистая дорога то идетъ ущельемъ, то карабкается по крутому скату скалы, то спускается въ зеленыя долины, пересѣкаемыя горными ручьями, то опять поднимается въ гору. Коегдѣ попадаются приземистыя темно-зеленыя деревья, рѣдкіе кусты боярышника. По утесамъ бѣгаютъ десятками горныя курочки; онѣ подпускаютъ человѣка шаговъ на тридцать и даже ближе, потомъ съ пронзительнымъ крикомъ поднимаются и перелетаютъ на сосѣдній камень. Я далъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ магазинки, но убилъ только одну. Когда я выѣзжалъ изъ Бами, мнѣ говорили что въ горахъ бродятъ небольшія шайки Текинцевъ съ которыми одинокому путешественнику лучше не встрѣчаться. Впереди, за однимъ изъ изгибовъ дороги, мелькнули всадники; я скоро нагналъ ихъ, но это были казаки, а не Текинцы. Съ вершины перевала открывается чудная картина на пройденную горную дорогу и лески, простирающіеся въ даль верстъ на тридцать. По ту сторону, кругозоръ не такъ обширенъ: волнистыя горы скрываютъ горизонтъ.

Въ Бендесенѣ, комендантъ былъ очень удивленъ что я ѣду одинъ, и не рѣшался отпустить меня далѣе безъ конвоя. Пока меня подчивали чаемъ, конвойные казаки сѣдлали лошадей и снаряжались, но я не дождался ихъ и выѣхалъ впередъ. Моросившій съ утра дождь перешелъ въ ливень. Стало совсѣмъ темно, и едва можно было различать дорогу. Я уже отъѣхалъ верстъ восемнадцать когда послышался топотъ лошадей и подъѣхали догонявшіе меня казаки. Мы за полночь пришли въ Хаджанъ-Калу. Въ такую темь я никогда бы не нашелъ укрѣпленія безъ проводника. Комендантъ Хаджанъ-Калы, капитанъ Дагестанскаго полка Зиневичъ, принялъ меня и угостилъ по-кавказски.

Утромъ рано я выѣзжаю, съ шестью казаками, по дорогѣ въ Кизилъ-Арватъ. Мы идемъ полями изрытыми кабанами,

* Средне-азіятскія борзыя собаки.

вдоль рѣчки лоросшей густымъ кустарникомъ и камышомъ. Два казака, ѣхавшіе въ авангардѣ, скоро взбудили кабана и бросились за нимъ. Увидя травлю, я поскакалъ на перерѣзъ. Вотъ-вотъ настигаю; я выхватилъ револьверъ изъ чушки и когда былъ уже близко, нагнулся чтобы выстрѣлить въ упоръ, но въ это мгновеніе моя лошадь попала передними ногами въ разрыхленную кабанами землю и перекувырнулась черезъ голову. Я поднялся съ земли со страшною болью въ груди и въ нижней челюсти и побѣжалъ за кабаномъ, отплевываясь безпрестанно отъ натекавшей во рту крови. Зачѣмъ я бѣжалъ, и самъ не знаю; но охотники меня поймутъ. Оба казака, преслѣдовавшіе звѣря, подверглись моей участи, а виновникъ этого salto mortale скрылся невредимъ въ непроницаемой заросли. Одинъ изъ улавшихъ казаковъ такъ сильно расшибъ ногу что пришлось вернуть его обратно въ Хаджанъ-Калу. Кровь душила меня, я подошелъ къ рѣчкѣ и продолжительными полосканіями уполкоилъ кровотеченіе. Тутъ взлетѣло нѣсколько фазановъ, но стрѣлять ихъ въ летъ изъ магазинки или револьвера было безполезно.

Немного далѣе мы наткнулись на стадо въ двѣнадцать кабановъ. Казаки ихъ погнали, а я поскакалъ напрямикъ къ концу оврага изъ котораго имъ слѣдовало дебушировать, но мой маневръ не удался: кабаны были сбиты со своей дороги другимъ стадомъ поднятымъ изъ сосѣдней балки. Раздалась частая перестрѣлка; одинъ кабанъ былъ раненъ, но казакамъ настигнуть его не удалось. Дальше намъ попадались еще нѣсколько выводковъ кабановъ; они скрывались въ балки при нашемъ появленіи. Стали взбираться на перевалъ. Горныя курочки бѣжали стайками впереди насъ, испуская свой, непріятно рѣжущій ухо, крикъ. Съ дробовикомъ тутъ можно легко убить паръ пятьдесятъ въ день. Когда мы спустились въ долину, по ту сторону перевала, шагахъ въ двухстахъ заколыхалась высокая трава и затѣмъ вынеслось на поляну стадо штукъ въ сорокъ джайрановъ *; они мчались какъ птицы и скоро скрылись въ ущельи. Картина была до того восхитительная что я долго не могъ придти въ себя и слишкомъ поздно вспомнилъ что пока они перебѣгали черезъ поляну, изъ винтовки можно было выхватить одну

* Родъ антилопъ.

или двѣ. Вотъ гдѣ раздолье охотнику; изъ звѣрей здѣсь водятся медвѣди, тигры, барсы, волки, лисицы, кабаны, дикообразы, туры, каменные бараны, ** джайраны, а въ лескахъ быстроногая сайга и куланъ. *** Изъ птицъ: фазаны, куропатки, горныя курочки, дрофы, стрепета и много другихъ породъ пернатыхъ водяныхъ, горныхъ и степныхъ.

Дорога изъ горъ въ Кизилъ-Арватскую долину проходитъ узкимъ ущельемъ, какъ бы корридоромъ высѣченнымъ въ скалѣ. По полированнымъ какъ мраморъ плитамъ течетъ холодною, прозрачною струей, горный ключъ. Онъ прорывается въ расщелинѣ гигантскаго краснаго камня и падаетъ каскадомъ въ песчаный бассейнъ, окаймленный изумруднаго цвѣта травкой. Нельзя миновать это мѣсто не залюбовавшись имъ. Этотъ тихій, привѣтливый уголокъ, послѣ дикаго, суроваго, скалистаго ущелья, такъ и манитъ на привалъ. Тутъ же, въ углубленіяхъ скалы поселились дикіе голуби и не мало содѣйствуютъ общему мирному впечатлѣнію.

Не далеко отъ Кизилъ-Арвата, мы увидѣли стадо дрофъ; я сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ, поставивъ прицѣлъ на триста шаговъ, но пуля немного не долетѣла.

Коменданта я просилъ пріютить меня куда-нибудь на ночь, въ кибитку или палатку, такъ какъ дождь пошелъ довольно сильный и задулъ порывистый, сѣверный вѣтеръ; но комендантъ мнѣ сказалъ что у него все занято и никуда онъ помѣстить меня не можетъ. Такъ какъ у меня предписанія для слѣдованія не было, то я не могъ достать ничего ни для себя, ни для лошади. Послѣ сорока-пятиверстнаго перехода отъ Хаджанъ-Калы, мнѣ предстояло еще семьдесятъ пять верстъ до Казанджика, а пройти такое разстояніе не кормя лошади—трудно. Долго искалъ я у казаковъ и джигитовъ ячменя или сѣна и наконецъ выпросилъ сполъ сѣна, фунтовъ въ шесть, за который заплатилъ два рубля. Одного джигита я договорилъ ѣхать со мною до Казанджика и взять часть вьюка чтобъ облегчить немного коня; порядкомъ досталось ему за эти два дня, а впереди предстояли переходы еще труднѣе.

Доѣвъ остатки чурека и корку сыру, неожиданно найденную въ куржумахъ, я прилегъ отдохнуть возлѣ казаковъ,

---

** Корсиканскій муфлонъ.

*** Дикій оселъ.

на мокрой землѣ. Вѣтеръ и дождь пронизываютъ до костей; заломала лихорадка; отъ холода и голода не могу заснуть. Долго я маялся, наконецъ долѣе выдерживать не могъ, осѣдлалъ голоднаго коня и пошелъ будить Киргиза-проводника. Насилу я растолкалъ его; онъ долго не рѣшался сѣдлать своего аргамака, отговариваясь что еще темно и цѣль насъ не пропуститъ; на моихъ часахъ было два. Джигитъ пуще всего боялся чтобы насъ не подстрѣлили изъ секрета: наканунѣ человѣкъ пятнадцать Текинцевъ подползли къ нашему посту съ тѣмъ чтобы снять его, но часовой увидалъ ихъ вовремя и выстрѣлилъ; по тревогѣ сбѣжались люди сосѣднихъ постовъ, но непріятель уже успѣлъ скрыться. Тогда были отправлены разъѣзды джигитовъ кругомъ лагеря, такъ какъ предполагали что нападеніе произведено высланными отъ значительнаго отряда людьми; притомъ это могло быть только демонстраціей, а рѣшительнаго нападенія можно было ожидать отовсюду. Три Киргиза, возвращаясь изъ поиска, подъѣхали къ нашему посту; часовой окликнулъ ихъ, но джигиты, вѣроятно не понимая чего отъ нихъ требовали, продолжали свой путь не отвѣчая. Подчасокъ и остальные люди поста примкнули къ часовому и дали по нимъ залпъ; одинъ упалъ, а двое ускакали назадъ. На другой день узнали что убитый на повалъ, пулей въ лобъ, былъ служившій при отрядѣ джигитъ. Вотъ это, совсѣмъ еще свѣжее, событіе и побуждало моего джигита дожидаться свѣта. Но я ему объяснилъ что если мы направимся прямо къ первому посту, то насъ пропустятъ, а затѣмъ уже опасности отъ русской пули не будетъ. Мы выѣхали и благополучно пробрались сквозь цѣль.

Холодный рѣзкій вѣтеръ дуетъ въ лобъ и проникаетъ всюду; отъ лихорадки я такъ ослабѣлъ что еле держусь въ сѣдлѣ; ко сну такъ и клонитъ. Мнѣ вдругъ пришло въ голову что кромѣ лишеній и тяжелой трудовой жизни я ничего не нашелъ въ этой экспедиціи, въ которую рвался всею силой души. И зачѣмъ, думалось мнѣ, я бросилъ всѣ удобства жизни, въ кругу близкихъ и симпатичныхъ людей, зачѣмъ веду вотъ уже скоро два мѣсяца эту безпокойную, кочевую жизнь, голодая, не досыпая ночей, просушивая днемъ на своемъ тѣлѣ вымокшее за ночь платье? Все это ненасытная страсть къ приключеніямъ, жажда сильныхъ ощущеній,

стремленіе къ неизвѣстному, неиспытанному которое гонитъ человѣка какъ Вѣчнаго Жида все впередъ и впередъ...

На высотѣ Ушака, оставленнаго нами въ сторонѣ, джигитъ испуганно указалъ на горы. Я посмотрѣлъ въ бинокль и увидѣлъ трехъ всадниковъ ѣхавшихъ шагомъ въ направленіи къ Казанджику. По сравнительному росту и мастямъ лошадей, я узналъ въ нихъ моихъ товарищей; такъ и оказалось. Мы проѣхали вмѣстѣ нѣсколько верстъ, затѣмъ я ихъ опередилъ чтобы приготовить что-нибудь поѣсть въ Казанджикѣ. Мой джигитъ увѣрялъ что тамъ есть лавочка. Только въ шесть часовъ вечера подъѣхалъ я къ укрѣпленію, истомленный лихорадкой, безсонною ночью и съ пустымъ желудкомъ. Комендантъ далъ мнѣ палатку, но не догадался угостить чаемъ. Въ лавочкѣ, кромѣ папиросъ, ничего не оказалось. Наконецъ я досталъ кусокъ баранины у подрядчика, и присѣлъ около своей палатки къ костру жарить шашлыкъ. Я былъ такъ голоденъ что поѣдалъ куски совсѣмъ еще сыраго мяса. Когда подъѣхали товарищи, заваренъ былъ чай который находился въ общемъ вьюкѣ. Первую чашку я проглотилъ съ давно неиспытаннымъ наслажденіемъ, протянулъ руку за другою и... проснулся на другой день когда солнце уже было высоко.

Пока сѣдлали и вьючили лошадей, я пошелъ впередъ чтобы промять немного затекшія отъ долгой ѣзды ноги. Верстахъ въ пяти меня нагнала легкая фура тройкой, принадлежащая Красному Кресту. Я спросилъ у возницы не обгонялъ ли онъ трехъ всадниковъ съ лошадью и ишакомъ въ поводу, но не дождавшись отвѣта убѣдился что онъ ихъ видѣлъ: въ фурѣ были сложены наши куржумы и весь вьюкъ; его договорили свезти вещи до Ахча-Куйме. Я примостился на козлы, и мы покатили полною рысью по гладкимъ какъ паркетъ солончакамъ.

Перевалъ Ахча-Куйме принялъ уже совсѣмъ другой видъ: насыпь желѣзной дороги была окончена, конка ходила уже давно. На мѣстѣ гдѣ стояли юламейки прежней команды были сколочены изъ досокъ лавки маркитантовъ. Въ ряду кибитокъ и юламеекъ расположились офицеры бывшаго Айдинскаго гарнизона. Пришелъ конецъ трудовой жизни, и мы опять входимъ въ обычную, знакомую колею. Вещи наши были сложены на конку, а ишака, такъ честно и добросовѣстно отслужившаго службу, мы просили коменданта,

капитана Барщевскаго, принять и жаловать. Полюбили мы нашего ишачка, и рады были отдать его въ хорошія руки.

Ночью мы подъѣхали къ конечному пункту укладки, насъ приняли инженеры-строители дороги и размѣстили въ вагонахъ. На другой день мы налегкѣ доѣхали до Балла-Ишема, вьюки перевезены были на поѣздѣ. Послѣ продолжительныхъ переходовъ на измученныхъ голодныхъ коняхъ, навьюченныхъ чрезъ силу, эти двадцать верстъ казались намъ пріятною прогулкой; лошади шли весело, чуя приближеніе къ болѣе спокойной жизни.

Въ Балла-Ишемѣ мнѣ сказали что полковникъ Б. нуждается въ рабочихъ лошадяхъ; я ему предложилъ купить нашихъ четырехъ лошадей, доказавшихъ неопровержимо свою силу и выносливость: мои спутники сдѣлали въ тридцать дней на лошадяхъ тяжело навьюченныхъ около 600 верстъ, мнѣ же пришлось сдѣлать въ то же время около 820 верстъ, и ни одной спины не было сбито, ни одна лошадь не захромала. Это говорило довольно краснорѣчиво за достоинства нашихъ лошадей, но не убѣдило полковника Б.

Мы повезли лошадей въ Михайловскъ, гдѣ князь Хилковъ купилъ ихъ тотчасъ по засвидѣтельствованіи ветеринаромъ что лошади здоровы и вполнѣ для службы годятся. Четырехъ лошадей мы продали за 275 руб. Въ Михайловскѣ, въ ожиданіи парохода, мы сходили въ роскошную баню построенную здѣшними инженерами. Холодная вода изъ залива нагрѣвалась, по желанію, кипящею водой опрѣснителя. Купальня съ проточною водой можетъ быть также нагрѣта.

Старый знакомый, пароходъ *Бекетовъ*, доставилъ насъ въ Красноводскъ, гдѣ пришлось десять дней ждать парохода отходящаго въ Баку.

Несмотря на радушіе Макаровыхъ, несмотря на довольно оживленные танцовальные вечера въ Военномъ Собраніи, скучно было сидѣть такъ долго безъ дѣла.

Въ ясный жаркій день, по тихому какъ прудъ морю, мы переплыли Каспій. Въ Баку я распростился со своими товарищами: они поѣхали на Тифлисъ, а я съ Ужаховымъ въ ту же ночь сѣлъ на шкуну идущую въ Петровскъ.

Опять дождь, холодъ, качка, грязь. Вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, эта пытка продолжалась четыре дня. Ужаховъ сравнивалъ плаваніе на шкунѣ съ ночлегомъ на Ушакѣ.

Отъ Петровска до Владикавказа мы три дня и три ночи плелпали то по густой, то по жидкой грязи весенней распутицы, съ обычными на кавказскихъ дорогахъ задержками на станціяхъ, несмотря на казенную подорожную и мою опытность въ обращеніи со станціонными смотрителями. Особенно стѣсняли насъ на перекладной купленныя мною въ Геокъ-Теле борзыя собаки.

4 марта я былъ уже у себя въ имѣніи, а чрезъ три дня выѣхалъ къ мѣсту служенія въ Оренбургъ.

А. КВИТКА.